САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Кафедра русского языка как иностранного и методики его преподавания

Мельчакова Наталья Николаевна

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА «ФЛОРА ЛЕСА»: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Выпускная квалификационная работа бакалавра лингвистики

Научный руководитель:
к.ф.н., доцент
Кириченко Светлана Владимировна
Рецензент:
д.ф.н., профессор
Зиновьева Елена Иннокентьевна

Санкт-Петербург
2016

Оглавление

Введение…….3

Глава I. Теоретические основы изучения словарных объединений в отечественном языкознании…….....7

I.1. Понятие системы в лексике……..7

I.1.1. Основные словарные объединения в русском языке……11

I.1.2. Содержание термина *лексико-семантическое поле……13*

I.1.3. Понятие *лексико-тематическая группа……14*

I.1.4. Понятие *лексико-семантическая группа……15*

I.2. Лингвокультурология как наука и ее понятийный аппарат……16

I.2.1. Понятие языковой картины мира…….24

Выводы……...……..26

Глава II. Функционально-семантический и лингвокультурологический анализ лексических единиц ЛСГ «Флора леса»……..28

II.1. Общий состав, характеристика и классификация материала……28

II.2 Принципы анализа материала……..……...……..29

II.3 Ассоциативный эксперимент: методика проведения, респонденты, результаты ……37

II.4. Лексико-семантическая подгруппа «Деревья леса»……..……40

II.5. Лексико-семантическая подгруппа «Кустарники леса»…….…….60

II.6. Лексико-семантическая подгруппа «Травы леса»…….……66

Выводы…….…….……71

Заключение……74

Список использованной литературы……76

Приложение……..83

ВВЕДЕНИЕ

Данная работа посвящена анализу и описанию лексико-семантической группы «Флора леса» в функционально-семантическом и лингвокультурологическом аспектах.

В настоящее время интерес к исследованию языка как части культуры не ослабевает. Идея антропоцентризма является ключевой в современной науке о языке. Отечественная лингвистика постоянно пополняется новыми работами по изучению лексики с опорой на лингвокультурологию.

Необходимо отметить, что исследование системности в лексике является важным для иностранных студентов, изучающих русский язык. Лексический состав языка представляется в виде различных объединений слов, одним из которых является ЛСГ. В теории и практике преподавания РКИ лексико-семантическая группа считается наиболее продуктивным способом описания и презентации лексики.

Рассматриваемая лексико-семантическая группа входит в лексико-семантическое поле «Лес», которое является одним из ядерных полей русской языковой картины мира. Очевидной является связь лексико-семантического поля «Лес» с семантикой пространства. По мнению Ю.М. Лотмана, пространство «имеет исключительно важное, если не доминирующее, значение в создании картины мира той или иной культуры» (Лотман 1999: 205). Как известно, Россия обладает самыми большими в мире лесными ресурсами. Лес занимает около половины площади нашей страны (http://www.forest-russia.narod.ru/.) Преобладание в России лесного ландшафта и огромная роль в экономике страны обусловливают важность и национально-культурную специфику данного лексико-семантического поля.

Таким образом, **актуальность темы исследования** обусловлена ее включенностью в проблематику современной антропоцентрической парадигмы исследования языка; необходимостью изучения системных отношений в лексике, необходимостью изучения лексики с позиций

лингвокультурологии и когнитивной лингвистики и важностью выявления в лексике культурно-национального представления человека о мире. Известно, что овладение линвокультурологическим потенциалом лексики позволяет иностранным студентам приблизиться к глубинному пониманию человека и мира иной культуры.

Объектом исследования являются лексические единицы, входящие в состав лексико-семантической группы «Флора леса».

Предмет исследования – особенности семантики и функционирования указанных единиц в русской языковой картине мира.

Целью исследования является выявление и описание семантики и функционирования лексических единиц, относящихся к лексико-семантической группе «Флора леса» в функционально-семантическом и лингвокультурологическом аспектах.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач:**

- Описать теоретическую базу исследования на основе анализа научной литературы по затронутым вопросам;
- Определить объем лексических единиц, относящихся к ЛСГ «Флора леса»;
- Провести ассоциативный эксперимент для выявления частотности единиц и связанных с ними ассоциаций в сознании носителей языка;
- На основе данных эксперимента, данных частотного словаря и Национального корпуса русского языка (НКРЯ) отобрать наиболее частотные единицы для подробного анализа;
- Классифицировать материал;
- Проанализировать и описать собранный материал с учетом семантики и функционирования лексических единиц;
- Выявить национально-культурную специфику лексических единиц лексико-семантической группы «Флора леса».

Методы исследования: индуктивно-дедуктивный метод, предполагающий наблюдение, анализ, обобщение материала; описательный метод; метод компонентного анализа, метод дистрибутивного анализа, прием сплошной выборки материала из лексикографических справочников и прием частичной направленной выборки материала из Национального корпуса русского языка, прием стилистической характеристики и прием статистического анализа, метод лингвокультурологического анализа, метод ассоциативного эксперимента.

Материалом для исследования являются данные электронной энциклопедии о природе России «Экосистема» (http://www.ecosystema.ru/08nature/index.htm), данные толковых, этимологических словарей, а также иллюстративный материал из Национального корпуса русского языка.

Научная новизна работы обусловлена тем, что впервые предпринята попытка комплексного исследования лексико-семантической группы «Флора леса» с учетом национально-культурной специфики входящих в нее лексем.

Теоретическая значимость исследования обусловлена его актуальностью и новизной, возможным вкладом в изучение национально-культурной специфики восприятия образов природы.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов в практике преподавания русского языка как иностранного, при чтении лекционных курсов по лингвокультурологии и лексикологии русского языка, результаты работы можно использовать в учебной лексикографии.

Структура работы: данная работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы, списка словарей, справочников и их условных сокращений.

Во введении обосновываются актуальность, научная новизна, цель и задачи исследования, определяются объект и предмет исследования,

материал, методы исследования, практическая и теоретическая значимость работы.

В первой главе представлены теоретические основы изучения словарных объединений в функционально-семантическом и лингвокультурологическом аспектах, определяются основные термины и понятия.

Во второй главе проводится анализ отобранного материала, распределенного по подгруппам, описывается ассоциативный эксперимент и приводятся его результаты.

В Заключении содержатся общие выводы.

В Приложении представлен список лексем ЛСГ «Флора леса» и образец анкеты для выявления частотности единиц и ассоциативного эксперимента.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ СЛОВАРНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

I.1. Понятие системы в лексике

Широко распространенный в языкознании термин «система» неоднозначен, и в различных лингвистических исследованиях употребляются разные толкования данного термина. В данной работе система понимается как совокупность элементов, связанных внутренними отношениями (Степанов 1975: 42).

Идея понимания и описания лексики как системы в современной лингвистике разделяется большинством исследователей.

Наличие внутренней системности в лексике очевидно. Ю. С. Степанов отмечает, что «системность в лексике помогает пользоваться языком, ведь без нее мы не могли бы легко и быстро отыскивать в своей памяти нужные слова» (Степанов 1975: 27). «Только на фоне лексико-семантической системы языка, только в связи с ней определяются границы слова, как сложной и вместе с тем целостной языковой единицы, объединяющей в себе ряд форм, значений и употреблений» (Виноградов 1977: 162).

Системная организация заметна на всех уровнях языка, но лексическая система устроена иначе, чем фонологическая и морфологическая, и обнаружить ее не так просто. Если в любом языке набор фонем относительно невелик и набор грамматических показателей также ограничен, то лексический состав языка полностью не известен никому: ни один носитель языка не может владеть его словарным запасом в полном объеме (Григорьян 2002: 12).

А. А. Уфимцева отмечает, что, с одной стороны, изучение лексической системы предполагает изучение организации самого словарного инвентаря, распределение слов по лексико-грамматическим (частям речи) и семантическим классам словесных знаков, формы взаимодействия элементов словопроизводства, особенности морфемного состава слов, соотношение полнозначных и служебных слов, конкретной и абстрактной лексики,

распределение словаря по предметным группам и семантическим полям, по терминологическим и прочим лексическим микросистемам; с другой стороны, «исследование системы в лексике предполагает изучение тех многообразных семантических отношений слов, в которых они находятся в структуре языка». (Уфимцева 1968: 171) Уфимцева также обращает внимание, что предпочтительнее называть этот аспект не лексической, а лексико-семантической системой языка.

В пределах словарного состава языка слова существуют не изолированно, а входят в те или иные группировки. Слова связаны друг с другом или противопоставлены друг другу, ни одно слово не существует отдельно от общей номинативной системы (Степанов 1975: 2). Отображая определенным образом те или иные «отрезки действительности», слова связаны между собой, как взаимосвязаны и отображаемые ими явления самой действительности (Шмелев 1973: 13). Благодаря этим внеязыковым связям слова объединяются в тематические группы.

Смысловые связи слов могут быть сведены к следующим видам (Уфимцева 1962: 7):

1) Связь слова с обозначаемым предметом или явлением материального мира;

2) Зависимость значений слова от культурно-исторических и социально-экономических условий жизни носителей языка;

3) Обусловленность лексических значений слова другими языковыми сферами (морфология, синтаксис, фонетика);

4) Взаимообусловленные связи слов в пределах лексико-семантической системы (синонимичные, антонимичные ряды слов, предметно-смысловые и экспрессивно-стилистические группы слов);

5) Внутрисловные связи смысловых элементов, или субординация значений полисемантичных слов;

6) Традиционные связи слов, возникающие в силу общности выполняемой ими функции или по сходству предметов, обозначаемых этими словами.

Таким образом, согласно Уфимцевой, смысловые связи слов можно рассматривать в их трех основных аспектах: а) внутрисловные семантические связи, или субординация смысловых элементов на уровне слова; б) семантические связи слов в пределах различных смысловых групп и рядов слов; в) семантические связи слов на уровне всей системы языка.

Выделение трех типов связей слов в лексической системе языка – парадигматических, синтагматических и деривационных – может быть использовано в качестве научного обоснования отбора и организации лексики. Кроме того, можно утверждать, что семантика слова определяется всей совокупностью его парадигматических, синтагматических и деривационных связей.

К парадигматике относятся те группировки слов в системе языка, основой которых выступает оппозиция – синонимия, антонимия, гипонимия, паронимия, гнездо слов, лексико-семантическая группа, а также наиболее общая группировка слов – поле (ЛЭС 1990: 438).

Системный характер словарного состава языка обнаруживается, в первую очередь, в распределении слов по семантически объединенным лексическим группам – лексико-семантическим парадигмам. Каждое слово языка входит в определенную лексико-семантическую парадигму, и чаще всего вследствие многозначности не только в одну. Индивидуальная семантика слова раскрывается через его противопоставление другим членам парадигм, в которые оно входит, по определенным существенным признакам (Медникова 1974: 48). В лексико-семантическую парадигму объединяются слова, противопоставленные друг другу по какому-либо семантическому признаку.

Одним из проявлений системных отношений в лексической системе является способность слов соединяться друг с другом. Таким образом,

следующим этапом в изучении вопроса о системных отношениях является знакомство с определенными функциональными возможностями слова. Слово выступает в роли строительного материала, используемого для производства речи (текста). В речи слова вступают в определенные смысловые и синтаксические отношения, называемые синтагматическими. Как отмечает И.П. Слесарева, «синтагматика – это связи между языковыми (лексическими) единицами по смежности связи в линейном ряду, в речи» (Слесарева 1990: 52). К синтагматике относятся группировки слов по их расположению в речи относительно друг друга (ЛЭС: http://tapemark.narod.ru/les/438a.html).

Как было указано выше, «синтагматические отношения выявляются при соединении слов, т.е. в определенных лексических сочетаниях. Знакомясь с этим типом системных отношений, следует обратить внимание на различие лексико-семантической и синтаксической сочетаемости слова, на возможные изменения круга его сочетаемости, диктуемой контекстом, творческими стремлениями адресанта речи (автора текста), а также на валентные возможности слова, так как под обучением лексике следует понимать обучение не отдельным словам, а употреблению в речи» (Чжан Хун 2007: 14).

Каждое слово, помимо парадигматических и синтагматических связей, характеризующих (и определяющих в известном смысле) его лексическое значение, находятся в деривационных отношениях с другими словами – как по линии смысловых ассоциаций, так и по линии словообразовательных (и шире – вообще фонетических) сближений (Шмелев 1973: 198). Д.Н. Шмелев называет деривационные связи слов «третьим измерением» семантики слова. Будучи двусторонними единицами, т.е. имея материальную форму и смысловое содержание, каждая из этих лексических единиц является в какой-то мере средоточием и этих двусторонних связей, объединяющих ее, с одной стороны, с рядами «формально» близких слов, с другой, – с теми точками «семантического пространства», с которыми, так или иначе, соприкасается ее собственное смысловое «содержание». Таким образом, семантическая

структура каждого отдельного многозначного слова может рассматриваться как отражение этого вида отношений, которые могут быть названы деривационными (в широком смысле слова) (Шмелев 2007: 191).

Таким образом, выделение трех типов связей слов – парадигматических, синтагматических и деривационных – может быть использовано в практике РКИ, т.к. изучение лексики с опорой на формирование различных связей способствует более осознанному усвоению новой информации.

I.1.1 Основные словарные объединения в русском языке

Современная лексикология понимает словарный состав как внутренне организованное целое, как совокупность лексико-семантических взаимосвязанных группировок. Лексико-семантическая система исследуется как организация, состоящая из микросистем: полей, групп, рядов (Чжан Хун 2007: 14).

Многие исследователи отмечают отсутствие единообразия в терминологии. До сих пор нет единой точки зрения о лексическом и грамматическом статусе различных групп, отсутствуют однозначные термины. Одни и те же (одинаковые) и разные объединения слов получают названия «группы», «поля», а также «серии» - «лексические», «лексико-семантические», «тематические», «идеографические», «понятийные», «словесные», «языковые» (Щур 1974). Используются также термины «парадигматические» и «синтагматические», «комплексные» и «развернутые поля».

Несмотря на многообразие различных точек зрения на принципы группировки слов и связанную с этим пересекаемость терминологии, выявляется некоторая общая тенденция разграничения и упорядоченности терминологии. Характер семантических признаков и тех отношений, которые складываются в лексических объединениях, определяет тип группы, класса слов. В настоящее время принято выделять семантическое поле, лексико-

семантическое поле, лексико-семантические группы и лексико-тематические группы, включающие такие объединения, как синонимические ряды, антонимические пары и др. (Николенко 2005:8).

В лингвистических исследованиях противопоставляются понятия ЛСГ и ЛТГ. В «Очерках по теории языкознания» Ф.П. Филин рассматривает понятие «тематическая» и «лексико-семантическая» группы, но четких границ между ними не проводит. В тематические группы, по мнению ученого, могут входить лексико-семантические группы: «в рамках одной тематической группы существуют более мелкие, но тесно спаянные между собой лексико-семантические группы слов» (Филин 1967: 526). Анализируя особенности употребления в языке тематических и лексико-семантических групп, Ф.П. Филин выделяет общее и различное в этих понятиях: общее – то, что значение слов, входящих в состав данных групп, отражают познания объективной действительности, различное – лексико-семантические группы слов представляют собой продукт законов и закономерностей развития лексической семантики языка, тогда как состав тематических групп слов зависит только от уровня знаний того или иного народа, от умения классифицировать явления действительности, получившие свои словарные обозначения. Из этого следует, что тематические группы – в отличие от ЛСГ – это объединения слов, основывающиеся не на лексико-семантических связях, а на классификации самих предметов и явлений.

Отдельные исследователи под ЛСГ понимают любое парадигматическое объединение слов, а под тематической группой – объединение, в котором слова соотносятся с одной темой, типовой ситуацией, т.е. под тематической группой понимается объединение слов не только по парадигматике, но и по синтагматике (Слесарева 1990: 55).

Л.М. Васильев полагает, что под термином ЛСГ можно обозначить любой семантический класс слов (лексем), объединенных хотя бы одной общей лексической парадигматической семой (или хотя бы одним общим семантическим множителем). К тематическим же группам, как считает Л.М.

Васильев, следует относить лишь такие классы слов, которые объединяются одной и той же типовой ситуацией или одной темой (Васильев 1971: 110).

Более того, лингвистами разделяются термины семантическое поле и лексико-семантическое поле. Во многих работах данные термины употребляются как синонимы, и наблюдается тенденция к вытеснению термина лексико-семантическое поле в связи с замещением его термином семантическое поле. Согласно мнению Е. И. Зиновьевой, такая подмена неправомерна, так как понятие семантического поля гораздо шире, изучение семантических полей – предмет семиотики, семантические поля должны анализироваться с привлечением данных различных научных дисциплин, а не только лингвистики (Зиновьева 2003: 109).

Рассмотрим более подробно понятие «поле» в лингвистике.

I.1.2. Содержание термина *лексико-семантическое поле*

Всю лексическую систему языка можно представить как совокупность подсистем, которые принято называть семантическими полями. Основателями теории семантического поля считаются такие ученые, как Й. Трир, Л. Вайсгербер, В Порциг. Для данного исследования важно отметить, что Л. Вайсгербер включал поле в языковую картину мира, которую интерпретировал как промежуточный мир между человеком и объективной действительность. Он писал: «Языковое поле есть, таким образом, фрагмент языкового промежуточного мира, созидаемый целостностью, взаимодействующей в органическом членении группы языковых знаков (Кузнецов 2005: 30). С точки зрения идеографического описания языка, т.е. в направлении от заданного смысла к средствам его выражения, лексику можно представить в виде взаимодействующих семантических полей, которые образуют сложную и специфическую для каждого языка «картину мира», определяемую его внутренней формой» (РЯЭ 2008: 458).

Некоторые исследователи используют термины ЛСП и ЛСГ, не дифференцируя их, а лишь отдавая предпочтение какому-нибудь одному

(Караулов 1976): 23. Большинство ученых дифференцируют эти понятия, отмечая большую ширину охвата лексических единиц в ЛСП по сравнению с ЛСГ. ЛСП рассматривается как объединение лексических единиц, которое состоит из целого ряда ЛСГ, т.е. ЛСП и ЛСГ соотносятся как общее и частное (Васильев 1971: 110). ЛСП понимается как более высокий уровень лексико-семантических связей парадигматического характера и признается больший хват лексических единиц в поле, указывается на включение в лексико-семантическое поле единиц разных частей речи.

В данной работе под лексико-семантическим полем понимается иерархическая структура множества лексических единиц, объединенных общим (инвариантным) значением и отражающих в языке определенную понятийную сферу (РЯЭ 2008: 458).

I.1.3. Понятие *лексико-тематическая группа*

Как уже отмечалось выше, в лексико-тематической группе слова объединяются не только по парадигматике, но и по синтагматике, поэтому в ЛТГ входят слова разных частей речи.

ЛТГ— выделенная в пределах семантического поля или независимо от него лексическая группировка, в которой лексика объединена по денотативному признаку, т. е. по обозначению реалий действительности (Гуманитарный словарь: https://slovari.yandex.ru/~книги/Гуманитарный %20словарь).В связи с тем, что тематические группы включают единицы разных частей речи, неоднородные с точки зрения их внутриязыковых особенностей, трудностей усвоения и т.п., в настоящее время общепризнанным положением является то, что наиболее продуктивным способом описания и презентации лексики в теории русского языка и практике его преподавания как иностранного является группировка в лексико-семантические группы (Зиновьева 2005: 37).

I.1.4. Понятие *лексико-семантическая группа*

Лексико-семантическая группа является одной из составляющих лексико-семантической системы. Изучение ЛСГ представляет собой наиболее распространенную презентацию лексики как системы. Существуют различные определения ЛСГ. Общим для всех определений является то, что в группу объединяются слова, принадлежащие одной части речи.

По определению Э.В. Кузнецовой, «ЛСГ – это класс слов одной части речи, имеющий в своих значениях достаточно общий интегральный семантический компонент и типовые уточняющие (дифференциальные) компоненты, а также характеризующиеся высоким схематизмом сочетаемости и широким развитием функциональной эквивалентности и регулярной многозначности» (Кузнецова 1989: 11).

Ф.П. Филин под ЛСГ понимает парадигматические объединения слов, которые «обладают однородными, сопоставимыми значениями». К ним относятся, по его мнению, синонимы, антонимы, и другие группы слов, связанных общностью каких-либо семантических отношений. Например, гипонимическое, или родовидовое отношение связывает слово, обозначающее род сущностей или явлений со словами, обозначающими виды, выделяемые в рамках этого рода. Этим отношением связаны слова в парах *дерево – дуб*; *кустарник – малина и т.д.* Слово, выражающее более общее понятие в этой разновидности семантических отношений, называется гиперонимом, а слово, обозначающее частный случай, вид указанного рода объектов или явлений, называется гипонимом. Слова, имеющие общий гипероним, называются согипонимами (или когипонимами). Так, слово *дерево* является гиперонимом по отношению к словам *дуб*, *ясень*, *береза*, и т.п., которые являются согипонимами.

В определении ЛСГ мы идем вслед за И. П. Слесаревой: в лингводидактике лексико-семантическая группа понимается как языковая и психологическая реальность, принципиально вычленимое объединение слов, члены которого имеют одинаковый грамматический статус и характеризуются однородностью смысловой близости по синонимическому

типу (Слесарева 1990: 52). Определение «отношение смысловой близости по синонимическому типу» следует понимать как условное и имеющее расширительное значение. Под такими отношениями понимают отношения синонимии (в узком смысле), антонимии, гипонимии, гиперонимии, а также отношения, которые не представляется возможным подвести ни под один из названных типов. Это прежде всего отношения частичного смыслового пересечения, при которых слова имеют общие парадигматические семы (категориальные семы, архисемы) (Там же, 52). Например, все единицы ЛСГ «Флора леса» имеют общую сему «лесное растение». Важно также отметить, что слова входят в ЛСГ лишь в одном из своих значений, поэтому одно многозначное слово может входить в разные ЛСГ (Там же, 53).

Поскольку исследование ЛСГ «Флора леса» проводится в лингвокультурологическом аспекте, отдельный параграф посвятим описанию лингвокультурологии как науки и раскрытию понятия *языковая картина мира.*

I.2. Лингвокультурология как наука и ее понятийный аппарат

В настоящее время в лингвистике господствует антропоцентрическая (или генеративистская) парадигма. Идея антропоцентричности языка предполагает переключение интересов исследователей с объектов познания на субъект, т.е. анализируются проявления человека в языке и связь языка с человеком, так как, по словам И.А. Бодуэна де Куртене, «язык существует только в индивидуальных мозгах, только в душах, только в психике индивидов или особей, составляющих данное языковое общество» (Бодуэн де Куртенэ 1963: 79).

С позиций антропоцентрической парадигмы, человек познает мир через осознание себя, своей теоретической и предметной деятельности в нем. Многочисленные языковые подтверждения тому, что мы видим мир сквозь призму человека, это метафоры типа: метель разыгралась, метель укутала

людей, снежинки пляшут, звук уснул, сережки берез, матушка-зима, идут года, ложится тень, объятый тоской (Маслова 2001: 8).

Осознание себя мерой всех вещей придает человеку право творить в своем сознании антропоцентрический порядок вещей, исследовать который нужно на научном уровне. Этот порядок, существующий в сознании человека, определяет его духовную сущность, мотивы его поступков, иерархию ценностей. Все это можно понять, исследуя речь человека, те обороты и выражения, которые он наиболее часто употребляет (Маслова 2001: 8).

Согласно В.А. Масловой, «лингвокультурология – продукт антропоцентрической парадигмы в лингвистике», так как данная парадигма сделала объектом изучения взаимоотношения языка и культуры (Маслова 2001: 8). Культура – это своеобразная историческая память народа, это мировидение и миропонимание, обладающее семиотической природой. Язык, благодаря его кумулятивной функции, хранит культуру, обеспечивая диалог поколений не только из прошлого в настоящее, но и из настоящего в будущее (Телия 1996: 226). Культура связана с системой ценностей, историей народа и его духовно-психическим складом, культура – это мир смыслов, которые человек вкладывает в продукты своей деятельности и в саму деятельность. Лингвокультурология находится на «перекрестке» двух фундаментальных наук: языкознания и культурологии. Последняя исследует такой атрибут человека, как его самосознание по отношению к природе, обществу, истории, науке, религии, искусству и т.п. сферам его материального, социального и духовного бытия, в которых протекает и осуществляется обретение идентичности своего «человеческого» *Я* с культурой народа или человечества в целом путем создания, отбора и присвоения тех или иных ценностно значимых для этого ориентиров в качестве мотивов человеческой жизнедеятельности (Телия 1996: 222). Таким образом, лингвокультурология ориентирована на человеческий, а точнее – на культурный фактор в языке и на языковой фактор в человеке.

Впервые в явной форме проблема взаимодействия языка и культуры была сформулирована в работах американских лингвистов Э. Сепира и Б. Ли Уорфа и стала известна под названием гипотезы лингвистической относительности Сепира-Уорфа (http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/lingvistichesko_otnositelnosti_gipoteza.html). В соответствии с этой концепцией, язык определяет картину мира, структура языка влияет на способ познания реальности и мышление. Активное и конструктивное свойство языка и его способность воздействовать на формирование народной культуры, психологии и творчества обнаруживали и вскрывали еще в XVIII веке и в начале XIX века И.Г. Гердер и В. фон Гумбольдт. По В. Гумбольдту, язык – хранилище народного духа, культуры, «объединенная духовная энергия народа, чудесным образом запечатленная в определенных звуках». Первые упоминания о лингвокультурологии как научной дисциплине содержатся в работах М.М. Покровского, Г.В. Степанова, Д.С. Лихачева и Ю.М. Лотмана. (Алефриенко 2010: 20).

Проблема соотношения и взаимосвязи языка и культуры является объектом изучения смежных гуманитарных дисциплин, таких как лингвострановедение, этнолингвистика и когнитивная лингвистика.

Лингвокультурология связана с этнолингвистикой – наукой, пограничной между этнографией (этнологией, народоведением), изучающей бытовые и культурные особенности народов, проблемы их происхождения, расселения и культурно-исторических взаимоотношений, и лингвистикой. В центре внимания этой науки находятся такие вопросы, как изучение генетического родства народов, языкового контактирования, влияние социокультурных факторов на развитие языка, реконструкции духовной этническй культуры на основе данных языков и др. В.Н. Телия считает лингвокультурологию разделом этнолингвистики, в то время как В.В. Воробьев отмечает: «По сравнению с лингвокультурологией, ориентированной на современность и общепринятую нормативность, объект

исследования в этнолингвистике оказывается «смещенным» в сторону изучения языка племен, диалектов, языковой семьи и культурной группы, праязыка и пракультуры» (Воробьев 2008: 35). Вместе с тем можно отметить, что лингвокультурологию и этнолингвистику роднит применение в них метода исследования языка и культуры (поле, компонентный анализ, лингвистическая относительность и ее реализация в виде разных «картин мира» для различных языков).

«Лингвострановедением называется аспект преподавания русского языка иностранцам, в котором с целью обеспечения коммуникативности обучения и для решения общеобразовательных и гуманистических задач лингводидактически реализуется кумулятивная функция языка и проводится аккультурация адресата, причем методика преподавания имеет филологическую природу – ознакомление проводится через посредство русского языка и в процессе его изучения» (Верещагин, Костомаров 1990: 16). И лингвострановедение, и лингвокультурология являются лингводидактическим описанием соотношения языка и культуры. Но лингвострановедение отталкивается от языковых единиц, занимается извлечением культурной информации из лексем и фразеологизмов с целью обучения русскому языку. Лингвокультурология исходит из культуры, как она воплощается в языке, задача этой дисциплины – не обучить владению языком, а дать знание культуры носителей данного языка, обеспечить понимание культурной обусловленности языкового знака (Зиновьева, Юрков 2009: 22).

Ключевые понятия когнитивной лингвистики – это понятие информации и ее обработки человеческим разумом, понятия структур знания и их репрезентации в сознании человека и языковых формах. Если когнитивная лингвистика пытается ответить на вопрос о том, как организовано сознание человека, как человек познает мир, как создаются ментальные пространства, то все внимание в лингвокультурологии уделяется человеку в культуре и его языку, лингвокультурология пытается дать ответы

на многие вопросы, в числе которых следующие: каким видит человек мир, какова роль метафоры и символа в культуре, какова роль фразеологизмов, удерживающихся в языке веками, в репрезентации культуры (Маслова 2001: 8).

Лингвокультурологическое направление в лингвистике оформилось в 90-е годы XX века. В настоящее время лингвокультурология является отдельной самостоятельной лингвистической дисциплиной, которая переживает период расцвета. Интерес к связи языка и культуры возрастает, в последнее время отечественная лингвистика активно обогащается новыми работами по лингвокультурологии, постоянно появляются новые проблемы и аспекты ее изучения. Резко возрастающие культурные, научные и экономические контакты стран и их народов и глобализация мировых проблем объясняют необходимость изучения универсальных и специфических характеристик поведения и общения различных народов и необходимость изучения таких тем как «языковая личность» и «язык и культура», так как именно с культуры начинается духовное общение людей, понимание и сотрудничество народов.

Чтобы определить статус лингвокультурологии как науки, приведем несколько известных определений: «Линвокультурология (от лат.: lingua – язык, cultura – культура, logos – наука, учение) – это научная дисциплина синтезирующего типа, пограничная между науками, изучающими культуру, и филологией» (Воробьев 2008: 32); «… та часть этнолингвистики, которая посвящена изучению и описанию корреспонденции языка и культуры в синхронном их взаимодействии» (Телия 1996: 217); «… наука, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке» (Маслова 2001: 28). Несмотря на некоторые различия определений лингвокультурологии и различия мнений относительно ее статуса, предмета и методов, определение лингвокультурологического исследования как изучения языка в неразрывной связи с культурой является общепринятым.

В настоящей работе мы придерживаемся определения Е.И. Зиновьевой и Е.Е. Юркова: «Лингвокультурология – филологическая наука, которая исследует различные способы представления знаний о мире носителей того или иного языка через изучение языковых единиц разных уровней, речевой деятельности, речевого поведения, дискурса, что должно позволить дать такое описание этих объектов, которое во всей полноте раскрывало бы значение анализируемых единиц, его оттенки, коннотации и ассоциации, отражающие сознание носителей языка» (Зиновьева, Юрков 2009: 13). Важно отметить, что «при лингвокультурологическом исследовании важно учитывать информацию энциклопедического характера, коррелирующую с собственно языковым значением, разработка принципов отбора которой является одной из проблем лингвокультурологии» (Зиновьева, Юрков 2009: 13).

Таким образом, объект лингвокультурологии можно определить как «взаимодействие языка, который есть транслятор культурной информации, культуры с ее установками и преференциями и человека, который создает эту культуру, пользуясь языком» (Маслова 2001: 36), «язык как отражение и фиксация культуры и культура сквозь призму языка» (Красных 2002: 12). Наиболее известными определениями предмета лингвокультурологии являются следующие: «исследование и описание синхронно действующих средств и способов взаимодействия языка и культуры» (Телия 1996: 16), «изучение культурной семантики языковых знаков, которая формируется при взаимодействии двух разных кодов – языка и культуры» (Маслова 2001: 30).

В.А.Маслова конкретизирует языковые единицы, которые могут исследоваться в рамках лингвокультурологии:

1. Безэквивалентная лексика и лакуны
2. Мифологизированные языковые единицы: архетипы и мифологемы, обряды и поверья, ритуалы и обычаи, закрепленные в языке
3. Паремиологический фонд языка

4. Фразеологический фонд языка
5. Эталоны, стереотипы, символы
6. Метафоры и образы языка
7. Стилистический уклад языков
8. Речевое поведение
9. Область речевого этикета (Маслова 2001: 37)

Понятийный аппарат лингвокультурологии как науки составляют такие термины, как менталитет, ментальность, ритуал, обычай, культурная универсалия и многие другие.

Наиболее важное для данной работы понятие – это понятие, с помощью которого может быть представлена культурная информация в языковых единицах, – понятие культурной коннотации.

Под коннотацией мы, вслед за В.Н. Телия, понимаем семантическую сущность, узуально или окказионально входящую в семантику языковых единиц и выражающую эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение субъекта речи к действительности при ее обозначении и высказывании, которое получает на основе этой информации экспрессивный эффект (Телия 1986: 5).

Сумма коннотаций (социальных, культурных, этических, исторических, эмотивных, экспрессивных, оценочных) составляет прагматический компонент семантики слова (Скляревская 1997: 6).

Культурная коннотация – это интерпретация денотативного или образно-мотивированного аспектов значения в категориях культуры. Этот термин был введен В. Н. Телия в 1993 г. Культурная коннотация создается с помощью специфических для каждого народа образно-ассоциативных механизмов переосмысления исходных значений во вторичной номинации (Телия 1996: 218).

Связь языка и культуры реализуется через культурную коннотацию. «Культурно-маркированная коннотация возникает как результат интерпретации ассоциативно-образного основания фразеологической единицы или метафоры посредством соотнесения его с культурно-национальными эталонами и стереотипами. Компоненты с символическим прочтением также во многом обусловливают содержание культурной коннотации» (Верещагин, Костомаров 1990: 37).

Интерпретируя фразеологизмы на основе соотнесения их ассоциативно-образных восприятий со стереотипами, отражающими народный менталитет, мы тем самым раскрываем их культурно-национальный смысл и характер, которые и являются содержанием национально-культурной коннотации.

«Именно поэтому фразеологизмы, образно-мотивированные слова и метафоры становятся экспонентами культурных знаков» (Верещагин, Костомаров 1990: 37).

Культура проникает в эти знаки через ассоциативно-образные основания их семантики и интерпретируется через выявление связи образов со стереотипами, эталонами, символами, мифологемами, прототипическими ситуациями и другими знаками национальной культуры. Именно система образов, закрепленных в семантике национального языка, является зоной сосредоточения культурной информации в естественном языке.

Механизм возникновения коннотаций связан с усилением отдельных аспектов значения (часто за счет яркой внутренней формы слова, на базе которой возникают наиболее стабильные ассоциации). Ассоциации при этом образуют мотивирующую основу для возникновения коннотаций, прямое значение слова выступает как внутренняя форма по отношению к переносному (Маслова 2001: 49).

В коннотации реализуются потенциальные ресурсы номинативной системы языка, так как коннотативное слово обладает способностью не только создавать, но и удерживать глубинный смысл, находящийся в сложных

отношениях с семантикой слова, закреплять его в языке, создавая тем самым культурно-национальную языковую картину мира.

I.2.1. Понятие языковой картины мира

Одним из основных понятий современной научной парадигмы является понятие *языковой картины мира*. Это понятие по-разному определяется исследователями. В.П. Руднев предлагает краткое определение: «Картина мира – это система интуитивных представлений о реальности» (Руднев 1997: 127).

Понятие *картина мира* используется в различных науках: в философии, психологии, культурологии, лингвистике. Разные исследователи, исходя из сферы своих научных интересов и целей исследования, могут приводить различное толкование картины мира. Как отмечает О.А. Корнилов, применительно к лингвистике *картина мира* в любом случае должна представлять собой тем или иным образом оформленную систематизацию плана содержания языка (Корнилов 2003: 4). Человек формирует определенную картину мира под влиянием языка, системы его единиц.

Любой национальный язык выполняет несколько основных функций: функцию общения (коммуникативную), функцию сообщения (информативную), функцию воздействия (эмотивную) и функцию фиксации и хранения всего комплекса знаний и представлений данного языкового сообщества о мире. Такое универсальное, глобальное знание — результат работы коллективного сознания — зафиксировано в языке, прежде всего в его лексическом и фразеологическом составе. Но существуют разные виды человеческого сознания: индивидуальное сознание отдельного человека, коллективное обыденное сознание нации, научное сознание. Результат осмысления мира каждым из видов сознания фиксируется в матрицах языка, обслуживающего данный вид сознания. Таким образом, следует говорить о множественности языковых картин мира: о научной языковой картине мира,

о языковой картине мира национального языка, о языковой картине мира отдельного человека (Корнилов 2003: 4).

Существует множество дефиниций понятия *языковая картина мира*. В качестве рабочего можно использовать определение Е.С. Яковлевой: «Под языковой картиной мира понимается зафиксированная в языке и специфическая для данного языкового коллектива схема восприятия действительности». Таким образом, «языковая картина мира – это своего рода мировидение через призму языка» (Яковлева 1996).

О.А. Корнилов разграничивает понятия *языковой картины мира, национальной языковой картины мира, индивидуальной национальной языковой картины мира. Языковая картина мира* является результатом отражения объективного мира обыденным (языковым) сознанием конкретного языкового сообщества. *Национальная языковая картина мира* – это результат отражения объективного мира обыденным (языковым) сознанием конкретного языкового сообщества, конкретного этноса. *Индивидуальная национальная языковая картина мира* является результатом отражения объективного мира обыденным (языковым) сознанием отдельного человека – носителя того или иного национального языка (Корнилов 2003: 121).

Просто языковая картина мира – это абстракция, реально нигде не существующая. Реально существуют и могут изучаться лишь языковые картины мира конкретных национальных языков (Корнилов 2003: 121).

Принято различать научную и наивную языковую картину мира. Наивная картина мира свойственна обыденному сознанию, наивную картину мира принято интерпретировать как отражение обиходных (обывательских, бытовых) представлений о мире. Научная картина мира – «инвариант научного знания человечества о мире на данном историческом этапе, результат отражения пространственно-временного континуума коллективным научным сознанием» (Корнилов 2003: 121). Образ мира, запечатленный в языке, во многом может быть отличным от научной картины мира.

Кроме того, существует разграничение концептуальной и языковой картин мира. Под концептуальной картиной мира подразумевается не только знание, которое выступает как результат мыслительного отражения действительности, но и итог чувственного познания. «Концептуальная картина мира богаче языковой картины, поскольку в ее создании участвуют различные типы мышления, в том числе и невербальные» (Зиновьева, Юрков 2009: 39).

В зависимости от аспектов и объема изучения мира действительности, отображаемого языковой картиной, различаются глобальная картина мира, универсум (мир в полноте и целостности), и локальная картина мира (мир в одной из его составляющих, фрагмент мира) (Апресян 1995: 7).

ЯКМ в целом столь огромна и разнородна, что очень сложно представить, в каком виде, в виде чего она может быть репрезентирована. Для подобного анализа можно выбирать фрагмент ЯКМ. Чаще всего таким фрагментом ЯКМ является ЛСГ (лексико-семантическая группа) (Корнилов 2003: 22).

Данное исследование ведется в русле изучения специфики отображения одной из локальных наивных картин мира – фрагмента русской языковой картины мира, представленной ЛСГ «Флора леса».

ВЫВОДЫ:

На основании изученной литературы мы пришли к следующим выводам, которые являются теоретически значимыми для нашего исследования:

Самым крупным словарным объединением следует считать лексико-семантическое поле.

Так как границы поля достаточно размыты, а сами поля слабо структурированы, то наиболее продуктивным способом описания и презентации лексики, признанным в теории и практике РКИ является

группировка лексики в лексико-семантические группы с последующим выделением более мелких парадигматических объединений – антонимо-синонимических блоков, синонимических и антонимических рядов и т.д.

Исследование проводится в лингвокультурологическом аспекте. Лингвокультурология изучает взаимосвязь языка и культуры, эта наука находится на границе между филологией и научными дисциплинами, изучающими культуру. Лингвокультурология исследует различные способы представления знаний о мире носителей того или иного языка с помощью изучение языковых единиц разных уровней.

Одно из ключевых понятий лингвокультурологии – понятие языковой картины мира. Языковая картина мира – результат отражения объективного мира обыденным (языковым) сознанием конкретного языкового сообщества; зафиксированная в языке и специфическая для данного языкового коллектива схема восприятия действительности. Таким образом, «языковая картина мира – это своего рода мировидение через призму языка

ЯКМ в целом столь огромна и разнородна, что практически невозможно представить, в каком виде, в виде чего она может быть репрезентирована. Для подобного анализа можно выбирать фрагмент ЯКМ. Чаще всего таким фрагментом ЯКМ является ЛСГ.

ГЛАВА II. ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ЛСГ «ФЛОРА ЛЕСА»

II.1. Общий состав, характеристика и классификация материала

Объектом нашего исследования являются лексические единицы, входящие в состав лексико-семантической группы «Флора леса». Отбирая материал для анализа, мы полагались на данные электронной энциклопедии о природе России «Экосистема» (http://www.ecosystema.ru/).

Согласно данным электронной энциклопедии «Экосистема», растения леса можно разделить на 3 подгруппы по уровням леса:

1. Дикорастущие деревья лесов России (19 деревьев)
2. Дикорастущие кустарники лесов России (27 кустарников)
3. Дикорастущие травянистые растения («цветы» или «травы») лесов России (56 трав)

Таким образом, согласно электронной энциклопедии «Экосистема» единицы ЛСГ «Флора леса» можно разделить на три лексико-семантических подгруппы:

1.Деревья –19 лексем

2. Кустарники – 27 лексем

3. Травы – 56 лексем

Всего в ЛСГ «Флора леса» 102 лексемы. Интегральной семой данной лексико-семантической группы является сема ‘растение леса’.

Внутри данной парадигмы выделяются родовидовые отношения гипонимии (названия лексико-семантических подгрупп «деревья», «кустарники», «травы» являются гиперонимами по отношению к конкретным названиям растений.)

II.2. Принципы анализа материала

Так как ЛСГ «Флора леса» насчитывает большое количество единиц, в настоящей работе обратимся только к наиболее частотным из них.

Для выявления частотности и ассоциаций, связанных с данными единицами в сознании носителей языка, был проведен ассоциативный эксперимент. Эксперимент разделялся на два этапа. На первом этапе определялась частотность единиц, респондентам предлагался список слов – наименований растительного мира леса, а затем предлагалось отметить, известны ли они испытуемым (имеет ли респондент представление о том, как выглядит данное растение, т.к. целостное наглядное представление о реальном предмете в сознании носителей языка можно считать наглядным образом). На втором этапе давалось задание привести ассоциации, связанные с выбранными для анализа наиболее частотными словами. Эксперимент проводился на сайте survio.com. На первом этапе было опрошено 100 человек, на втором этапе 115 человек, однако функции данного сайта позволяют сохранить и просмотреть только первые 100 ответов. Поэтому и анализ ассоциаций проводился на основе первых ста ответов. В приложении представлена анкета эксперимента.

Для определения частотности различных единиц ЛСГ использовались данные эксперимента и данные электронной версии Частотного словаря современного русского языка О. Н. Ляшевской, С. А. Шарова (http://dict.ruslang.ru/freq.php). Словарь основан на коллекции текстов Национального корпуса русского языка, представляющей современный русский язык периода 1950–2007 годов. Объем выборки, на которой строится большинство разделов словаря, составляет 92 млн. словоупотреблений, в словаре указывается общая частота употреблений слова (количество употреблений на миллион слов корпуса, или ipm (instances per million words)). Также учитывались данные Национального корпуса русского языка (далее - НКРЯ), а именно количество употреблений каждой единицы в текстах

корпуса. Всего в 2016 году корпус насчитывает 265401767 словоупотреблений.

Нижеследующие таблицы содержат списки наиболее частотных единиц ЛСГ «Флора леса», поставленных в порядке убывания их частотности (в случае одинаковой частотности - в алфавитном порядке), а также указание на общую частоту употреблений каждой единицы в корпусе русского языка; у наиболее частотных единиц указан порядковый номер в частотном списке. Единицы располагаются по убывающей частотности в соответствии с результатами эксперимента. Если частотность совпадает, единицы располагаются в алфавитном порядке. В случае отсутствия единицы в данных частотного словаря или НКРЯ ставится прочерк.

Подгруппа «Деревья»

№	Единица ЛСГ «Флора леса»	Количество испытуемых, ответивших, что единица им известна (из 100)	Частота (ipm) (данные частотного словаря)	Порядковый номер в частотном списке	Количество употреблений в текстах корпуса (в 2016 году)
1	Береза	100	20.3	4882	6023
2	Дуб	100	17.8	5375	5345
3	Осина	99	5.2	12817	1611
4	Рябина	99	5.0	13205	1256
2	Сосна	99	30.1	3615	7288
5	Тополь	99	9.8	8326	2876
6	Ель	99	11.0	7643	7817
7	Клен	99	6.2	11293	1329
8	Кедр	92	6.1	11425	1565
9	Липа	91	11.8	7301	3783
10	Черемуха	91	3.0	18493	1096
12	Лиственница	86	4.1	14937	1019

13	Пихта	85	2.5	-	534
14	Ольха	68	1.9	-	634
15	Вяз	61	2.2	-	710
16	Туя	61	1.5	-	392
17	Ясень	60	2.6	19916	510
18	Бук	54	2.7	19275	888
19	Граб	21	0.7	-	200

Подгруппа «Кустарники»

№	Единица ЛСГ «Флора леса»	Количество испытуемых, ответивших, что единица им известна (из 100)	Частота (ipm)	Порядковый номер в частотном списке	Количество употреблений в текстах корпуса (в 2016 году)
1	Малина	99	7.2	10201	1842
2	Шиповник	96	4.0	15343	968
3	Боярышник	87	1.5	-	289
4	Калина	85	8.7	8953	1689
5	Ежевика	84	2.2	-	388
6	Можжевельник	83	2.8	19023	623
7	Голубика	80	0.6	-	149
8	Бузина	67	2.2	-	604
9	Жимолость	67	1.3	-	357
10	Волчеягодник	63	-	-	13
11	Ирга	55	-	-	26
12	Лещина	45	0.7	-	129
13	Кизильник	39	-	-	34

14	Ракитник	34	-	-	86
15	Крушина	29	0.4	-	94
16	Дёрен	22	0.5	-	89
17	Бересклет	18	0.6	-	98
18	Снежноягодник	16	-	-	32
19	Арония	11	-	-	43
20	Чубушник	11	0.4	-	45
21	Спирея	10	1.0	-	122
22	Пузыреплодник	9	-	-	13
23	Дрок	8	0.4	-	309
24	Подбел	3	-	-	12
25	Карагана	2	-	-	1
26	Хеномелес	2	-	-	7
27	Хамедафна	1		-	-

Подгруппа «Травы»

№	Единица ЛСГ «Флора леса»	Количество испытуемых, ответивших, что единица им известна (из 100)	Частота (ipm)	Порядковый номер в частотном списке	Количество употреблений в текстах корпуса (в 2016 году)
1	Земляника	97	3.8	15670	1232
2	Ландыш	94	2.9	18632	928
3	Подснежник	94	1.5		428
4	Зверобой	92	1.2	-	300
5	Колокольчик	94	9.4	8525	3673
6	Фиалка	92	3.7	16136	960

7	Незабудка	87	1.6	-	476
8	Чистотел	78	-	-	58
9	Осока	74	2.2	-	741
10	Хвощ	69	0.6	-	224
11	Кислица	61	0.4	-	85
12	Медуница	47	1.3	-	211
13	Первоцвет	45	-	-	58
14	Наперстянка	34	-	-	94
15	Кипрей	29	-	-	53
16	Плаун	29	-	-	72
17	Недотрога	25	0.7	-	192
18	Лапчатка	22	0.6	-	78
19	Звездчатка	21	-	-	8
20	Красавка	21	0.4	-	60
21	Аконит	16	1.0	-	142
22	Ветреница	15	-	-	98
23	Водосбор	15	0.9	-	108
24	Сныть	15	-	-	46
25	Копытень	14	-	-	44
26	Крестовник	14	-	-	35
27	Хохлатка	14	-	-	66
28	Дубравник	12	-	-	72
29	Вероника	11	-	-	92
30	Воронец	11	-	-	60
31	Горечавка	11	-	-	23
32	Марьяник	11	-	-	10

33	Перелеска	11	-	-	3
34	Пролесник	11	-	-	2
35	Купена	10	-	-	11
36	Одноцветка	10	-	-	1
37	Подъельник	10	-	-	5
38	Ясенец	10	-	-	7
39	Орляк	9	-	-	29
40	Яснотка	9	-	-	10
41	Белоцветник	7	-	-	6
42	Гнездовка	7	-	-	4
43	Лунник	7	-	-	28
44	Подмаренник	7	-	-	18
45	Грушанка	5	-	-	5
46	Дремлик	5	-	-	14
47	Пикульник	5	-	-	1
48	Зубянка	4	-	-	-
49	Седмичник	4	-	-	5
50	Сольданелла	4	-	-	-
51	Зеленчук	3	-	-	25
52	Майник	3	-	-	9
53	Чина	3	-	-	-
54	Любка	2	-	-	-
55	Лядвенец	2	-	-	-
56	Смолёвка	2	-	-	3

На основании информации, представленной в таблице, можно сделать вывод, что частотность употребления единиц, полученная в результате

эксперимента, и данные о частотности из частотного словаря и НКРЯ совпадают, и лишь в нескольких случаях данные незначительно различаются, что никак не влияет на результаты нашего исследования. Информация о частотности в частотном словаре, основанном на текстах НКРЯ 1950-2007 годов, и информация о частотности НКРЯ в 2016 году также совпадают, что позволяет предположить, что последние 9 лет познания носителей языка о флоре леса достаточно стабильны.

На этом этапе исследования можно выдвинуть гипотезу, что наиболее частотные единицы обладают национально-культурной спецификой, их употребление в различных контекстах можно объяснить с помощью категорий культуры – символов, стереотипов, культурных установок, устойчивых в русской национальной картине мира ассоциаций. Коннотации частотных лексем могут быть названы культурными. Данная гипотеза подтверждается дальнейшим анализом единиц.

Анализ наиболее частотных единиц, входящих в ЛСГ «Флора леса» осуществляется следующим образом:

Приводятся дефиниции прямых номинативных значений единиц из толковых словарей. Значения подтверждаются употреблениями в конкретных примерах из Национального корпуса русского языка. Методом компонентного анализа выявляются коннотативные дифференциальные семы, присутствующие в данных лексических значениях слова.

В соответствии с точкой зрения и классификацией О. И. Блиновой дается характеристика образности лексики, связанная с мотивированностью/ немотивированностью языкового знака и внутренней формой слова: на первой ступени образности в этом аспекте располагаются немотивированные конкретные слова (например, *береза, сосна*). На второй ступени образности – мотивированные слова, мотивировочный признак которых выражен непосредственно (*черника, земляника*). В лексических единицах второй ступени образности равноправными компонентами образности являются конкретность и наглядность, поскольку слова с внутренней формой называют

не только предмет, но и характерный признак этого предмета, что создает наглядность (картинность), конкретность – необходимые признаки образности. На третьей ступени находятся мотивированные слова с ассоциативно выраженным мотивировочным признаком, - слова, внутренняя форма которых метафорична. В подобных случаях возникает дополнительный к названным выше компонентам образности (конкретность, наглядность) – компонент «красочность» (Блинова 1983: 5). Так, красочно такое название, как «*снежноягодник*» - ‘кустарник, белые ягоды которого собраны большими гроздьями и <как снег> покрывают растение’. Для объяснения яркой внутренней формы используется метод словообразовательного анализа и этимологические данные.

Затем даются дефиниции переносных значений из толковых словарей и объясняется характер переноса (перенос по смежности или по сходству). Объясняется тип лексического значения слова (прямое номинативное свободное значение, синтаксически или фразеологически связанное), объясняется ассоциативный характер человеческого мышления, играющий большую роль во вторичной номинации (ассоциации по сходству или по смежности между некоторыми свойствами элементов внеязыкового ряда, отображёнными в уже существующем значении имени, и свойствами нового обозначаемого, называемого путём переосмысления этого значения. Ассоциативные признаки, актуализируемые в процессе вторичной номинации, могут соответствовать компонентам переосмысляемого значения, а также таким смысловым признакам, которые, не входя в состав дистинктивных признаков значения, соотносятся с фоновым знанием носителей языка о данной реалии или о внутренней форме значения (ЛЭС: http://tapemark.narod.ru/les/336a.html)).

В примерах из корпуса анализируются коннотации и выявляются связанные с ними культурные представления и традиции, существующие в языковой картине мира, проводится анализ дистрибуции единицы и выявляются коннотативные семы, присутствующие в данном лексическом

значении слова в данном употреблении. Коннотации могут быть связаны с образами, с национально-культурными стереотипами восприятия растений, эталонами, символами, мифологемами, прототипическими ситуациями, культурными установками, фоновыми знаниями.

В связи с коннотациями анализируется эмотивный аспект лексического значения, ценностная информация (положительная или отрицательная оценка), выражение оценки обозначаемого с помощью стилистически маркированных единиц и экспрессивность единиц, создаваемая коннотацией в конкретных высказываниях.

С помощью метода частичной выборки в НКРЯ фиксируются значения, не зафиксированные в словарях, даются примеры употребления ЛСВ в данных значениях. Проводится анализ дистрибуции единицы. Особое внимание обращается на метафорические употребления, так как они имеют национально-культурную специфику.

Кроме того, приводятся результаты эксперимента – ассоциации носителей языка, связанные с анализируемыми лексемами.

II.3. Ассоциативный эксперимент: методика проведения, респонденты, результаты

Целью эксперимента было выявление ассоциаций, связанных у носителей языка с растениями леса. Свободный ассоциативный эксперимент - психолингвистический прием, используемый для изучения семантики. Сущность свободного ассоциативного эксперимента состоит в том, что испытуемым предлагается в ответ на тот или иной словесный стимул выдать «первую пришедшую в голову» реакцию (Титова 1975: 56).

Ассоциативный эксперимент проводился на сайте survio.com. Испытуемым предлагалась ответить, какие ассоциации у них вызывают выбранные для анализа наиболее частотные единицы:

Береза

Дуб

Осина

Рябина

Малина

Шиповник

Боярышник

Калина

Земляника

Ландыш

Подснежник

Зверобой

Кроме того, в анкете испытуемые указывали пол, возраст, и место рождения. Временные границы заполнения анкеты колебались от пяти до двадцати минут. Эксперимент проводился в 2016 году

В эксперименте участвовало 100 человек, которые различались по полу и возрасту. Некоторые испытуемые указали Россию как место рождения (7 ответов), 1 испытуемый указал Урал. Ответы о месте рождения можно представить следующим образом: Алма-Ата – 2, Астана – 1, Брод – 1, Брянск – 2, Буй-1, Волгоград – 3, Вологда – 3, Вольск – 1, Воркута – 1, Воскресенск – 2, Гомель – 1, Дзержинск – 1, Донецк – 1, Дускат – 1, Душанбе – 1, Ельня – 1, Ефремов – 1, Иркутск – 2, Каменск-Шахтинский - 1, Камышин – 1, Киев - 1, Краснодар – 1, Кунгур – 1, Магнитогорск – 1, Москва – 10, Нефтеюганск – 1, Нижний Новгород – 4, Новосибирск – 3, Озерск – 1, Омск – 2, Оренбург – 1, Павлодар – 1, Пермь – 12, Ростов-на-Дону – 4, Санкт-Петербург –7, Сочи -1, Ставрополь – 2, Стерлитамак – 1, Тамбовка – 1, Тульская область – 1, Тюмень – 1, Челябинск – 2, Череповец – 3,

Среди всех опрошенных было 66 женщин и 34 мужчины. В результате анализа ответов можно заметить, что мужчины приводили меньше реакций, чем женщины.

В соответствии с психологическими особенностями возраста (Моргун, Ткачёва 1981) были учтены следующие возрастные группы: 18-25 лет, 26-30

лет, 31-40 лет, 41- 55, 56 – 90. Среди испытуемых было 61 человек в возрасте от 18 до 25 лет и 19 человек от 26 до 30 лет, 11 человек в возрасте от 31до 40 лет, 5 человек в возрасте 41-55лет и 4 человека в возрасте 56-90 лет. Следует отметить, что большая часть испытуемых – представители женского пола от 18 до 25 лет. Наибольшее количество реакций приводили отвечающие в возрасте 41-55 лет и 46-90 лет, в то время как у представителей младшего поколения с растениями леса связано меньше ассоциаций, представители младших групп давали по одной-две реакции.

В результате анализа данных анкетирования было получено 2688 реакций, из них разных - 637, которые нами не учитывались, т.к. рассматривались как случайные. В качестве случайных рассматривались и те реакции, в которых респонденты проявляли чувство юмора по отношению к эксперименту в целом. К случайным реакциям, кроме того, были отнесены реакции, связанные со специальностью или образованием отвечающего. Например, связанная с березой ассоциация – эффект Доплера (явление, изучаемое физикой, его традиционно изображают с помощью схематичных черно-белых полос). За одну реакцию понималось как одно слово или сочетание, так и цитирование прецедентных текстов, связанных с растениями леса.

Обратимся к анализу единиц, входящих в ЛСГ «Флора леса» и описанию связанных с данными единицами ассоциаций

II.4. Лексико-семантическая подгруппа «Деревья леса»

1. Лексема *Береза.* В словарях дается следующее прямое значение данной лексемы: «Лиственное дерево, обычно с белой корой и сердцевидными (весной клейкими и пахучими) листьями. (Кузнецов 2014: http://gufo.me/content_kuznec/bereza-101093.html#ixzz3aBRHpkpj):

«Перед ними предстал уголок настоящего леса: высокие стройные **берёзы**, густые могучие ели, трепещущие на ветру осины с редким

подлеском». (Дарья Князева. На привале (2002) // «Сад своими руками», 2002.12.15, НКРЯ)

Употребление лексемы *береза* в различных контекстах показывает, что в русской языковой картине мира *береза* является символом женственности, сравнивается с прекрасной девушкой (прием персонификации):

«**Улыбнулись сонные березки**,

Растрепали шелковые косы» (С.Есенин. «С добрым утром!»).

«**Плакучие березы купали** в озере **свои ветви**» (И. Гончаров. «Обыкновенная история»).

«**Белая береза**

Под моим окном

Принакрылась снегом,

Точно серебром...» (С. Есенин «Береза»)

Люблю **березу русскую**,

То светлую, то грустную,

В белом сарафанчике,

С платочками в карманчиках,

С красными застежками,

С зелеными сережками... *(*А. Прокофьев «Березка»)

В русской народных загадках березка также сравнивается с девушкой:

«Стоит Алена,

Платок зеленый,

Тонкий стан,

Белый сарафан».

Связь данной лексемы с представлением о женственности в сознании носителей языка подтверждают результаты ассоциативного эксперимента: «девушка» – 19 ответов, «молодость» – 8 ответов, «молодая» – 2 ответа.

В употреблении с образными прилагательными у лексемы *береза* появляется коннотативная сема ‘красивое дерево’*:* «Ветерок едва шевелил древесными листьями; молчание природы изредка прерывалось

перепархиванием испуганных пернатых и жужжаньем майских жуков, кружившихся около вершин **кудрявых берез»**. (Н. Мамышев. Злосчастный (1807), НКРЯ); «Запорошенные ели тонули в глубоком снегу, голые **березы** потрескивали **нарядными** белыми ветками, красногрудые снегири прыгали под деревьями». (Валентина Осеева. Динка (1959), НКРЯ)

Береза в народных песнях и в литературных произведениях часто имеет определения *печальная, плакучая*. Например, определение в стихотворении у А. Фета:

«**Печальная береза**

У моего окна,

И прихотью мороза

Разубрана она «(А. Фет. «Печальная береза»).

Употребления слова «береза» в сочетании с прилагательными «печальный», «плакучий» встречаются и в национальном корпусе русского языка: «Рядом с лугом недалеко от леса стояли раскидистые **березы**, склонившие почти до земли **плакучие** желтые **шапки»**. (Михаил Елизаров. Библиотекарь (2007)); «На островке группа **берез плакучих** с прозрачными тонкими ветвями…» (Владимир Обухов. Поэт Борисов-Мусатов (2002) // «Весть» (Калуга), 2002.01.17); «При любом упоминании о **березе** возникает представление о стройном белоствольном дереве с поникающими «**плакучими**» ветвями». (Лилиан Плотникова. Знаете ли вы березы? (2003) // «Сад своими руками», 2003.03.15, НКРЯ)

Сравнение «*стройный как березка*» является устойчивым сравнением (Лебедева 2011: 45), культурным эталоном и выражает представление о красоте в русской языковой картине мира:

«Беленькая, как снежок, румяненькая, как яблочко, и **стройная**, **как березка**… «(Валентина Осеева. Динка (1959), НКРЯ)

Среди ассоциаций, связанных с березой, ответ «стройная» - один из самых популярных, этот ответ привели 23 респондента, 2 человека дали реакцию «стройность».

В сознании древних славян береза являлась мировым древом, осью мироздания, опорой всей земли, что подтверждают заговоры: «На море, на океане, на острове Буяне, стоит белая **береза** вниз ветвями, вверх кореньями…» (Афанасьев 2010: http://kirsoft.com.ru/skb13/KSNews_312.htm)

Образ березы занимает значительное место в народных традициях и праздниках. По данным различных источников этнографического характера, для славян береза являлась символом света, сияния, чистоты, женственности, а главная славянская богиня Берегиня (мать всех духов и земных богатств) почиталась в образе священного белого дерева, березы (http://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturologicheskiy-potentsial-konstanty-bereza-v-kurse-russkogo-yazyka-dlya-vietnamskih-studentov).

Некоторые исследователи считают, что *береза*, являясь атрибутом бани, стала символом очищения; «очищения крови». Хлестать себя березовыми ветками (березовым веником) в русской бане - очищать и оздоравливать, обновлять кровь (http://www.symbolarium.ru/index.php/Береза). В качестве доказательства данного символического значения приводится информация о том, что массаж веником действительно усиливает кровообращение, обновляет силы организма. С представлением о березе как о средстве очищения исследователи связывают фразеологизмы «*березовая каша*» - розги; «*накормить березовой кашей*» - выпороть. В народе говорили: «*Береза ум дает*», что значит, что этот жестокий метод наказания нерадивых учеников также имел значение очищения (очищение разума), значение исправления дурного поведения. (Основы духовной культуры 2000: http://spiritual_culture.academic.ru/15/%C2%AB%D0%91%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F).

В данном случае береза имеет культурную коннотацию «дерево, дающее очищение, исправление плохого поведения».

Однако более достоверным нам представляется другое толкование происхождения фразеологизма «*березовая каша*». Данный фразеологизм «до сравнительно недавнего времени имел два значения: 1) весенняя обрядовая

каша с березовыми почками; 2) ритуальное битье. Сейчас первое значение почти утрачено, а осталось только второе, которое тоже несколько изменилось и стало обозначать «хлестание ветвями, порку розгами, вообще битье, отсюда современный фразеологизм «дать березовой каши»». (Маслова 2004: 149). В данном фразеологизме сохраняются сведения о древних традициях и обрядах.

Кроме того, березовая ветка, заломленная к земле, выступает в семицком обряде как символ плодородных сил земли. В старинный русский женский обрядовый праздник — Семик, что праздновался в четверг на седьмой неделе после Пасхи, девушки шли в лес «завивать берёзу». Выбрав деревья, девушки завивали их — связывали верхушки двух молодых берёзок, пригибая их к земле. Из веток заплетали венки. При этом пели песни и ходили хороводом вкруг наряженной лентами берёзки, принося её в деревню.

Березка – первое, наиболее раннее дерево, одевающееся в яркую, нарядную зелень, тогда как другие деревья еще едва начинают распускать почки. Отсюда возникает представление, будто именно березки обладают особенной силой роста. Средоточием этой силы считаются верхушки и ветки: от них идет рост, и, следовательно, здесь находится их сила. Исконный смысл этого обряда заключается в том, что загибание в кольцо и связывание являются способом уловления и сохранения силы роста, плодородия. Эту силу выносят из леса и передают ее земле и людям. (Пропп 1995: 72) Представлением о передаче вегетативной силы березки к земле можно объяснить русскую семицкую песню:

«Пойдем, девочки,
Во луга-лужочки,
Завивать веночки.
Мы завьем веночки
На годы добрые,
На жито густое,
На ячмень колосистый,

На овес ресистый,

На гречиху черную,

На капусту белую». (Пропп 1995: 72)

Образ березы часто используется в русских лирических песнях. Так, например, русская народная песня «Во поле береза стояла» настолько популярна, что даже в русском ассоциативном словаре под редакцией Ю.Н. Караулова зафиксирована реакция «стояла», которая восходит к данному прецедентному тексту. В результате проведенного ассоциативного эксперимента также зафиксирована реакция «стояла» - 6 ответов. Самая популярная ассоциация – «Россия» (25 ответов), что позволяет сказать, что береза является символом России. В стихотворениях Сергея Есенина часто образ березы выступает как метонимическое переосмысление образа России.

Важно отметить, что многие части берёзы используются русскими людьми в хозяйстве: древесина, кора, берёста (поверхностный слой коры), берёзовый сок. Почки и листья применяют в медицине. Некоторые виды используют для создания полезащитных полос, а также в декоративном садоводстве.(https://ru.wikipedia.org/wiki/ %D0%91%D0%B5%D1%80%D1%91%D0%B7%D0%B0) О значимости березы в быту славян говорит следующая загадка: *Есть дерево об четыре дела: первое – мир освещать (лучина); другое дело – крик утешать (деготь на колеса); третье дело – больных исцелять (березовый сок, веник для бани); четвертое дело – чистоту соблюдать (веник для подметания пола*).

Более того, берёзу сажали у могил. Этот обычай послужил образной основой для появления фразеологизма *любить до самой берёзки,* обозначающего ‘любить до самой смерти’ (СРФ 2001: 46).

2. Лексема *Дуб*. В словарях представлено следующее номинативное значение данной лексемы: «Крупное лиственное дерево семейства буковых, с плотной древесиной, имеющее плоды — желуди;» (МАС: http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encyc.htm).

Примеры из национального корпуса русского языка подтверждают данное значение:

«**Дубы**, покрытые молодой листвой, гудели под порывами ветра, и тысячи ручьёв забегали под ногами, подобно стайкам мышей». (Э. Г. Казакевич. Звезда (1946), НКРЯ).

Употребление лексемы *дуб* в сочетании с прилагательными *гигантский, вековой, столетний, могучий, крепкий*, указывает на коннотативные семы '*выносливый; сильный; живущий много лет*': «Тихо в «кадетской» роще. Высокие молчаливые **дубы — столетние** великаны». (Н. А. Островский. Как закалялась сталь (1930-1934), НКРЯ); «**Дубы** с белой корой были очень **крепкие** и дорогие». (Ю. Боданов. Избы из белых дубов // «Наука и жизнь», 2007, НКРЯ); «**Мощные дубы** легко поднимали на своих толстых ветвях к самому небу холмы резной листвы, важная тишина стояла вокруг». (Василий Гроссман. Все течет (1955-1963) // «Октябрь», 1989, НКРЯ); «Но с друзьями **— дуб могучий**, что корнями в землю врос: Не страшны тебе ни тучи, ни раскаты злобных гроз!» (Белхи (2003) // «Жизнь национальностей», 2003.06.18, НКРЯ)

Дуб является символом долголетия, силы, стойкости, что подтверждается, например, следующим контекстом:

«Дурная почва: слишком узловат
И этот **дуб**, и нет великолепья
В его ветвях. Какие-то отрепья
Торчат на нем и глухо шелестят.
Но скрученные намертво суставы
Он так развил, что, кажется, ударь –
И запоет он колоколом славы,
И из ствола закапает янтарь.
Вглядись в него: он важен и спокоен
Среди своих безжизненных равнин.
Кто говорит, что в поле он не воин?

Он воин в поле, даже и один» (Н.Заболоцкий. «Одинокий дуб»).

В данном стихотворении *дуб* символизирует жизнестойкость, мужественность. На плохой земле, «дурной почве», на которой не могут вырасти другие деревья, он сумел выжить. Он с трудом прорастал сквозь плохую землю, он узловат, его суставы скручены. Однако он важен и спокоен, что показывает его силу и мощь.

Выражение «***Крепкий как дуб***» в русском языке является устойчивым сравнением. (Лебедева 2001: 59). Данное выражение имеет положительный оттенок значения, значение одобрения. Употребляется при описании сильного, здорового человека: «Он не был тот прежний, непреклонный, неколебимый, **крепкий**, **как дуб**; он был малодушен; он был теперь слаб». (Н. В. Гоголь. Тарас Бульба (1835-1841), НКРЯ)» Это сравнение является культурным эталоном, оно является результатом собственно национально-типического соизмерения явлений мира. Как известно, мир измеряется языковым сознанием в эталонах (Маслова 2001: 44). Таким образом, дуб – эталон физического здоровья и силы в русской языковой картине мира. Это подтверждают и результаты эксперимента: «могучий» - 27 ответов, «сильный» - 8 ответов.

Лексема «дуб», помимо прямого значения, развивает и переносные значения:

- Древесина этого дерева (МАС: http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encyc.htm). Данное значение является результатом переноса прямого значения по смежности (метонимический перенос). Вторичная номинация называет не дерево леса – дуб, а его древесину, поделочный и строительный материал.

Примеры из корпуса подтверждают данное переносное значение: «Отбелённый **дуб** при циклёвке каждый раз приходится снова морить». (На том стоим» ((2002) // «Домовой», 2002.02.04, НКРЯ).

«— Вы знаете —приятно делать добро, —сказал Адольф Задер, сидя напротив Убейко в уютном, отделанном **резным дубом,** уголку в старом, готическом ресторанчике». (А. Н. Толстой. Черная пятница (1924)), НКРЯ);

«Сидел с Атепиным в столовой, оклеенной **дорогими, под дуб**, обоями, цедил крепкий, бордовый чай». (М. А. Шолохов. Тихий Дон. Книга первая (1928-1940))

«Целуев превратил занюханную дворницкую в филиал западноевропейского бизнес-эдема: стены обиты панелями, **дубовыми или под дуб**, навесной потолок из коричневых реечек превращал недостатки посещения в достоинства — казалось, что низкий потолок спроектирован специально для пущего уюта». (Марианна Баконина. Школа двойников (2000), НКРЯ). В двух последних цитатах лексема *дуб* приобретает дополнительное значение - ‘символ богатства, благополучия, престижа’. Древесина этого дерева очень прочная, долговечная и стойкая к влаге, стойкая против загнивания. Своеобразный оттенок благородной старины, свойственный древесине дуба, объясняется тем, что она темнеет со временем. Так как древесина дуба очень ценная, имеет высокую стоимость, часто создаются имитации этой породы дерева – отделанные или выкрашенные «под дуб», в соответствии с цветом и рисунком этого дерева.

- «*Разг* О нечутком, тупом человеке» (МАС: http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encyc.htm)

«—- Ну и **дуб** же **ты**, Василий Иванович!» (Коллекция анекдотов: Чапаев (1970-2000), НКРЯ)

Данное переносное значение является синтаксически обусловленным. Оно реализуются в том случае, если лексема выступает в роли именной части составного сказуемого.

Дуб — это человек со слишком прямым, не гибким мышлением, без эмоций, не понимающий и не чувствующий юмора, иронии. Так как дуб — символ крепости (из-за крепости древесины и корней) и могущества, с этим представлением связана и твердость взгляда человека. Мнение упрямого

человека, твердо стоящего на своем, трудно изменить. «*Тупой как дуб*» - ‘нет возможности изменить его точку зрения, так уверен в своей точке зрения, что до него не достучишься’. Это переносное значение появилось у лексемы *дуб* в результате метафорического переноса по сходству: как древесину дуба сложно согнуть, так же сложно изменить взгляды упрямого человека. Это значение обладает отрицательной коннотацией. Коннотацию ‘глупый, упрямый человек, не меняющий свое мнение’ можно объяснить культурной установкой, присутствующей в сознании носителей русского языка: быть упрямым, не обращать внимание на чужое мнение – плохо, нужно быть внимательным к другим людям и обладать гибким мышлением. В подобных употреблениях эмотивное отношение говорящего к объекту оценки можно охарактеризовать как неодобрительное. Данная коннотация является культурно маркированной.

Связаны со значением ‘глупый человек’ дериват «*дубина*» и фразеологическая единица «*дубина стоеросов*ая».

Например: «Лейтенант Лапшин! Ну и **дубина** же этот лейтенант! Наверно, из только что мобилизованных». (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 5 (1978), НКРЯ). В данном случае *дубина* является синонимом к слову *дуб* в значении «глупый человек».

Дубина стоеросовая (прост.) - о крайне тупом, глупом человеке, дураке, болване. Есть две версии происхождения выражения: 1) в основе выражения лежит переносное значение слова *дубина* - "тупой, непонятливый человек"; 2) прилагательное *стоеросовый*, ввиду необычности словообразовательной модели, делает возможным предположение о семинарском происхождении оборота: оно возникло как переделка греческого stauros "кол, шест, свая" в сочетании однозначных слов дубина - stauros, которое превратилось, в результате, в выражение *дубина стоеросовая* (Бирих, Мокиенко., Степанова 2005: http://www.gramota.ru/spravka/phrases/?alpha=%C4).

Кроме того, глупого человека характеризует выражение «*рухнуть с дуба*»: «— Совсем ты, подруга, с **дуба рухнула**, — вздохнула Лида». (Татьяна

Тронина. Русалка для интимных встреч (2004), НКРЯ). Фразеологизм является жаргонным, выражает ярко негативное, неодобрительное, грубое отношение к характеризуемому объекту и имеет значение ‘Сойти с ума, начать вести себя подобно сумасшедшему’ (БСРП 2007: 203).

Знанием о том, что древесина дуба является очень прочной, негнущейся мотивировано значение просторечных глаголов «*дубеть*» и «*задубеть*», являющихся этимологически родственным слову «*дуб*» и существительному «*дубак*» - «*мороз*», «*холод*». Глагол «*дубеть*» имеет значения ‘становиться твёрдым, заскорузлым; утрачивать подвижность от холода, страха и т. п.; застывать; становиться глупым, глупеть’ (БСРП 2007: 203)

От этих глаголов образован фразеологизм «*дать дуба*» - груб. прост. умереть. Таким образом, исходное значение оборота 'стать неподвижным, как дуб, выпрямиться, охолодеть'. (Бирих, Мокиенко., Степанова 2005: http://www.gramota.ru/spravka/phrases/?alpha=%C4)

Существуют и другие версии этимологии фразеологизма: Выражение может быть связано с тем, что под дубом хоронили умерших. Выражение связано с языческими обрядами, его первоначальная форма: *дать дуб*у, т. е. принести жертву божеству; известно, что дуб был священным деревом бога грома Перуна. (Бирих, Мокиенко., Степанова 2005: http://www.gramota.ru/spravka/phrases/?alpha=%C4)

Тесно связан дуб со славянскими языческими верованиями. В традиционных русских присказках (в качестве предисловия к сказке или как элемент заговора или наговора) часто упоминается дуб:

«Остров-Буян, где живет Стратим-птица, всем птицам мать,

Индрик-зверь, всем зверям отец,

Кит-рыба, всем рыбам мать, да инорокая змея Гарафена (Скоропея).

Там Дуб мокрецкий да Алатырь камень» (Афанасьев 2010: http://kirsoft.com.ru/skb13/KSNews_312.htm)

«За морем синим, за морем Хвалынским, посреди Окиан-моря, лежит остров Буян, на том острове Буяне стоит дуб, под дубом тем лежит бел-горюч камень Алатырь. Под тем камнем сокрыта сила могучая, и силы той конца нет» (Крючкова 2004: 205).

Такие присказки объясняют представление славян о строении вселенной, где дуб играет важнейшую роль. Славяне представляли мир рождающимся из воды. Данное представление, свойственное всем народам, основывается на том, что суша действительно вышла из вод, ее покрывавших. Земля, как рожденная синим морем, представлялась островом, плавающим по беспредельной массе вод. Остров Буян для древнего славянина – священное понятие. Остров – это центр мира, источник всего живого на земле. На нем хранятся «семена» всех живых существ и растений. На острове Буяне стоит дуб, корнями он уходит в воду, а верхушкой упирается в небо. Этот мировой дуб соединяет все три мира: мир подземный, земной и небесный, он является центром мира. Таким образом, **дуб является древним архетипом мирового древа**. Мировое древо — в славянской мифологии мировая ось и символ мироздания в целом. Крона мирового дерева достигает небес, корни (у которых течет священный источник) — преисподней, ствол и ветви организуют земное пространство (Афанасьев 2010: http://kirsoft.com.ru/skb13/KSNews_312.htm).

Мировое дерево воплощает не только пространственные, но и временные координаты, о чём свидетельствуют мотивы колядок, где мировое дерево превращается в дорогу во время главного календарного (новогоднего) празднества. В русской загадке: «Стоит **дуб**, на дубу 12 сучьев, на каждом сучке по 4 гнезда» и т.д. говорится о годе, 12 месяцах, 4 неделях и т. д.

Представление о древе мира восходит к дохристианской мифологии. Так же в славянской народной традиции существует понятие древа жизни - мотив, отражающий представления о библейском древе жизни, посаженном Богом посреди рая. Таким деревом тоже является дуб (Афанасьев 2010: http://kirsoft.com.ru/skb13/KSNews_312.htm). Согласно Д. Фрезеру, древо

знания, связывающее небеса и подземный мир, а также древо жизни, связывающее все формы жизни, являются формами мирового древа или космического древа и изображаются в разных религиях и философиях, как одно и то же дерево (Фрезер 1980: 223).

Таким образом, дуб в заговорах помещен в центр мировых координат в качестве эквивалента мировой оси, дуб в русской культуре связан с архетипом мирового древа.

По языческим преданиям нашего народа, в сотворении мира участвовали светлая (чистая) и темная (нечистая) сила, первая все творила прекрасно, а вторая портила. В имени черта разумеется сила темная, нечистая; в имени божества разумеется сила света. Творчество, как воззвание к бытию новых существ, как проявление неисчерпаемой возможности жизни в новых формах, принадлежит началу света и тепла: солнцу, молнии; они творят все существующее. Вот почему главнейшие народные поверья связаны с солнцем и молнией, вот почему у славян мы видим особенное уважение к Перуну-громовержцу.

Перун – бог молнии, покровитель князя и дружины в древнерусском языческом пантеоне. По многочисленным данным дуб является священным деревом громовержца (Афанасьев 2010: http://kirsoft.com.ru/skb13/KSNews_312.htm). Некоторые исследователи считают, что слова «Перун» и «дуб» являются этимологически родственными словами (др-инд. *Parjánya,* лит. *Perkūnas*, латыш.*Pērkons* с первоначальным значением «дубовый бог» восходят к праиндоевропейскому названию дуба — *$*perk^{u}u$;* ср. лат. quercus - дуб), однако, М. Фасмер указывает на невозможность точно определить родство данных слов (Фасмер 1986, Т.3: 548). Несмотря на то, что внутренняя форма лексемы *Перун* затемнена, в языковой картине мира он ассоциируется с дубом. *Дуб* часто “притягивал к себе молнию”. Дело в том, что корневая система дуба проникает далеко вглубь, достигая водоносных горизонтов и служит своеобразным заземлением, поэтому чаще всего молния поражает дуб

(http://dendrology.ru/books/item/f00/s00/z0000006/st022.shtml). С древних времен и поныне живут в народной памяти наблюдения о частом попадании в дуб молний, что вошло в поговорки типа: «*От молнии под дубом спасаться - раньше времени на тот свет собираться*» (эту пословицу можно толковать как предостережение: «*Во время грозы от дуба следует держаться подальше*»). Так как дуб являлся деревом Перуна, изваяние этого божества обычно ставили на возвышенном месте в дубовой роще. Перун стоял во главе пантеона языческих богов (Имя Перуна возглавляет список богов пантеона князя Владимира в «Повести временных лет»), к нему обращались с просьбой о силе, могуществе, победе на войне. Представление о дубе как о дереве, связанном с мощью и силой, наличие многих положительных коннотаций в различных контекстах употребления, о которых говорилось выше, можно объяснить связью этого дерева с Перуном.

Дуб имеет огромное значение в фольклоре. В обрядах охранительных, семицком, масленичном, святочном его роль очень важна. С помощью дубовой ветки гадают на судьбу, на милого, бросая ее в реку. Дубовые мостки мостят, готовясь к встрече Коляды, Овсеня. Дубовым поленом разжигали огонь в очаге на святки, поджигали купальский костер (обнаруживается связь с божеством плодородия, солнцем, растительным культом). Для семика характерен мотив противопоставления дуба березе: «Ты не радуйся, зелен дуб... мы идем к березе»; «Не радуйся/ Ни кленье - дубье .../Только радуйся/ Да белая береза ... / Идут к тебе/ Девки красные». На масленицу: «Как ишли-прошли скоморошки... /Они срезали по пруточку.../ Они сеяли жар по полям. /Да пускали дым по дубравы.../Соловьеве гнездо спопалено...» (Червинский 2011: 17).

В обрядах проводов на тот свет дубовая кора (дубки, лубки) имела иное значение: на лубках умирающего отправляли на тот свет, спуская его с горы, оставляя в пещере, овраге, яме.

В ритуалах, связанных с первым громом, дубу, дубовому столбу, дубовой ветке отводилось особое место: как только раздастся гром, следовало

прислониться к дубу спиной, на дуб опереться, чтобы весь год потом спина не болела (связь дуба и грома, передача свойств дуба человеку) (Червинский 2011: 17).

В лирических песнях дуб предстает как место встречи с милым, проявляя связи с горой, садом, алыми (васильковыми) цветами; как олицетворение, параллель молодцу: «Близ дороженьки зеленый дуб стоит, /Близ дубочка васильковы цветы,— / Круг девушки удалы молодцы...» . Дуб — сухой: «У суха дуба отростьев нет — от мила друга привета нет».

В обрядовых песнях значения лексемы представлены иначе. Это прежде всего значения свадебного обряда: «Да дуба, дуба дубравушка зелена. /Да кому дубравушку сечь, рубити.../ Да кому зеленую подвалити... /Николаюшку дубравушку сечъ, рубити ..»; «На горке деревцо/Кунами обросло, /Соболями расцвело.../ За эфтим деревцом,/За эфтим дубовым/ Тулилась, крылася /Девица красная,/ Княгиня первобрачная...». Дуб предстает местом встречи, ожидания и прятанья от жениха, отмеченное место — знак, символ приготовлений (Червинский 2011: 18).

Таким образом, в славянской мифологии дуб занимает центральное место. В структуре основного мифа дуб—средство связи верха и низа, место обитания верховного божества, в дуб громовержец направляет свою молнию и раскалывает его. Дуб связывается с белым и черным, водой и смертью, тучей и огнем, мировым деревом, войной, плодородием, благополучием, силой. П.П.Червинский отмечает, что не все лексемы, встречающиеся в фольклоре, обладают столь широким диапазоном значений.

П.П. Червинский дифференцирует символические значения лексемы *дуб*:

1. Мировое дерево, ось мирового устройства, дорога в небо.
2. Место обитания верховного божества (верх дуба, крона).
3. Вход в подземный мир (под корнями).
4. Носитель магических свойств, таинственный и пугающий.

5. Наделенный способностью влиять благотворно, дающий плодородие, крепость, здоровье; обладающий продуцирующей силой (семик, масленица, купала, свадебные, оградительные обряды, приметы; связь с березой, овсом, зайцем).

6. Средство обеспечения прихода гостей с того света и отправления на тот свет (дубовые мостки — в святках, погребальных, поминальных, свадебных обрядах, гаданиях).

7. Дающий знание; жребий, знак судьбы, оберег (семик, оградительные обряды, приметы).

8. Воплощение человека, сам человек, носитель человеческих свойств: уподобление человека дубу; частей человека—сучьям, ветвям, корням, кроне дуба (загадки, лирические песни, поговорки, приметы).

9. Носитель реальных свойств; сила, крепость, сухость, позднее распускание (загадки, песни, поговорки, приметы) (Червинский 2011: 18).

Значимость лексемы *дуб* для фольклора, многообразие ее значений — следствие центрального положения дуба в модели мира, составляющей основу фольклорной традиции.

3. Лексема *Осина.* Номинативное значение данной единицы представлено в словаре: «Лиственное дерево рода тополей, с зеленовато-белой гладкой корой» (Кузнецов: http://gufo.me/content_kuznec/osina-104326.html#ixzz3aCuksM1c)

Прямое значение можно проиллюстрировать следующим примером из Национального корпуса русского языка: «Это было давно, после холодов 1979 года дубы вокруг поляны высохли и, растопырив мертвые ветви, простояли еще лет 20, пока не исчезли вовсе. Тогда их место заняли молодые березы и **осины**. Только одинокий дуб посередине поляны пережил эти холода». (М. И. Саитов. Островки // «Бельские Просторы», 2010, НКРЯ)

Образные сравнения «дрожит как осина»; «дрожит как осиновый лист», «трясется, как лист на осине», характеризующие человека, имеют яркую негативную оценку, значение «боится, трусит» (Даль 2002: 1190): «Он

вскинул на меня глаза, в которых отражался ужас, и задрожал как **осиновый лист»**. (Л. А. Чарская. Княжна Джаваха (1903), НКРЯ). Среди реакций на стимул «осина» ответ «дрожать» - самый многочисленный: так ответило 18 респондентов.

Сравнение человека с осиной имеет негативные коннотации. Трусость в языковой картине мира является негативной установкой культуры, в соответствии с которой личность интерпретируется как недостойная, ее поведение является неподобающим.

«Осиною народ признает проклятое дерево за то, что на нем, по преданию, удавился Иуда Предатель, и потому на этом дереве, хотя бы даже если ветру нет, происходит шелест листьев, оно же имеет, по суеверному понятию, чрезвычайную силу против колдунов, и когда такому умершему и встающему из могилы осиновый кол вколотят между плеч, то колдун прекращает свое загробное странствование» (Забылин 2014: 213). *Осина - проклятое дерево, на нем Иуда удавился, и с тех пор на нем лист дрожит. Поэтому на осине кровь под корою*; кора, под кожицей, красновата (Даль, Т.1: 1190). Ответ «Иуда» привело 11 респондентов.

Кроме того, трепет осиновых листьев связывается в русской мифологии с распятием Христа. В христианской мифологии *осиновые листья до сих пор дрожат от ужаса, вспоминая о Распятии*. Считалось, что Крест Господень был сделан из осины, и «с тех пор ветви этого дерева охвачены страхом и беспрестанно дрожат» (Символы и знаки: http://sigils.ru/signs/osina.html).

Описывая различные лексемы ЛСГ «Флора Леса», мы постоянно сталкиваемся с коллективной мудростью народа, его обычаями и оберегами. Так, русские считают, что убитую змею, чтобы она не ожила и не укусила человека, нужно повесить именно на осину. Когда богатырь Добрыня убил змея, он повесил его на осину кляпую: «Сушися ты, змей Горынище, на той-то осине на кляпыя». Именно осина, как свидетельствуют поверья, охраняет славян от злых духов (среди растений аналогичную функцию выполняет крапива, лопух, полынь и др.): с этим поверьем связан обычай забивания

осинового кола в могилу людей, подозреваемых в колдовстве. Заостренный осиновый кол получил в глазах народа значение Перуновой палицы – как бы скипетра верховного бога-громовержца древних славян. По свидетельству сказок, колдунам, вышедшим из могил, вколачивают в сердце осиновый кол. В свою очередь, ведьма может пользоваться осиновым колом или веткой для своих волшебных чар: ударяя этой веткой в грудь сонного человека, она наносит ему незримую рану и жадно упивается его кровью (Маслова 2004: 150).

Несмотря на то, что осина является оберегом, ее образ в русском языковом сознании преимущественно негативный. В.И.Даль приводит следующие пословицы и поговорки, связанные с образом осины: «Удавлюсь на горькой **осинушке**, на самой вершинушке!»; «**Осина** и без ветра шумит»; «**Осина** все шепчется, а проклятое дерево» (Даль, Т.2: 1190).

П.П. Червинский выделяет следующие символические значения осины в фольклоре: «осина — недоброе, злое, горестное (женатый молодец — что горькая осина), обозначение злой и лютой судьбы (Червинский 2011: 175).

Таким образом, синтагматика единиц лексико-семантической подгруппы «Деревья леса», их употребление в составе устойчивых сравнений, фразеологизмов и метафор позволяет сделать вывод, что береза и дуб – символы доброго начала, а осина– символы трусости, ненадежности. Дуб ассоциируется с здоровьем и силой; береза с красотой и женственностью, в то время как осина – символ подлости, рябина является символом горькой, тяжелой женской судьбы.

4. Лексема *Рябина*.

В толковом словаре представлено следующее прямое значение данной единицы:

«Дерево сем. розоцветных, с оранжево-красными ягодами, собранными в пучок» (МАС: http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/17/ma374809.htm?cmd=2&istext=1). Приведем пример употребления лексемы в данном

значении из НКРЯ: «Я живу на тихой улице, где липы и одинокая **рябина** меж ними» (Булат Окуджава. Новенький как с иголочки (1962), НКРЯ).

В словарных дефинициях зафиксировано и символическое значение рябины: народно-поэтический символ одинокой, тоскующей женщины (Кузнецов: http://www.gramota.ru/slovari/dic/?word=рябина). В данном значении рябина персонифицируется, используется как метафорическое сравнение.

Так, например, в народно-песенном варианте стихотворения Ивана Сурикова "Рябина" (1864):

«Что стоишь, качаясь,

Тонкая **рябина**,

Головой склоняясь

До самого тына».

Женщина в данной песне сравнивается с рябиной, а мужчина с дубом. Рябина называется в тексте «сиротиной», она не может «к дубу перебраться» и будет «век одной качаться». В фольклорной традиции рябина ассоциируется с женским одиночеством, а ее горькие ягоды – с горькой женской долей.

Данный прецедентный текст широко известен носителям языка, что подтверждается результатами ассоциативного эксперимента: 6 испытуемых привели реакции «тонкая», 3 респондента цитировали данную песню.

На отождествлении рябины с человеком построены и два русских сравнительных оборота: *гнуться (шататься) как рябина (на ветру)* и *шатает (качает) кого как рябину*: параллель проводится между гнущимся деревом и человеком, шатающимся от слабости, болезни или изнемогающим от тяжести жизненных испытаний, невзгод. Этот же компонент присутствует в структуре русских пословиц, но не в значении «дерево», а в значении «ягода»: «в сентябре одна ягода, да и та горькая рябина; все едино, что хлеб, что рябина, оба кислы» (Воробьева 2009: 23).

Внутренняя форма названия связана с создаваемым зрительным впечатлением пестроты или ряби, множеством ярких ягод на дереве и родственна словам *рябь, рябой, рябчик* (Прохоров 2007: 489). Происхождение слова спорно. Как отмечает П.Я. Черных, со словом *рябой* оно, может быть, и не имеет прямой связи, но, по всей видимости, связано со словом *рябчик*, поскольку рябина (с ягодами, остающимися на зиму) служит в зимнее время главной пищей рябчиков (ср. др.-рус. «рябь» - куропатка) (Черных, Т.2: 560).

Согласно классификации О.И. Блиновой, рябина – полуобразное слово, находится на второй ступени образности. Это слово с неметафорической внутренней формой, характеризующееся такими компонентами образности, как картинность и наглядность.

Русские считают, что рябина украшает пейзаж, когда дерево покрыто алыми гроздьями ягод.

Ср.: «Владения Вячеслава Михайловича находятся на высоком, изрезанном оврагами берегу бурной, живописно извивающейся речушки, к топкому берегу которой спускаешься по шаткой железной лесенке. Дребезжащие звуки, сопровождающие каждый шаг вниз, звучат неожиданно громко и словно повисают в прозрачном воздухе. Вокруг шумят высокие сосны, трепещут осины, то там, то сям пронзительно-яркими гроздьями вспыхивают **рябины**. И как-то легко и радостно воспринимается на фоне этого типично русского, величаво-спокойного пейзажа белоснежная громада дома с высокими, торжественно вознесшимися ввысь колоннами. На белом фоне стен отчетливо рисуется ажурное кованое кружево чугунных оконных и балконных решеток (Юлия Галактионова. Идеальный вариант (2003) // «Ландшафтный дизайн», 2003.01.15, НКРЯ).»

В данном метафорическом употреблении рябина на основе зрительного образа сравнивается с огнем, вспыхивает, краснеет, выглядит ярко, как огонь, и имеет коннотативную сему ‘красивое дерево’.

Наиболее частая ассоциация на слово-стимул рябина – «красная» (23 ответа), 6 ответов – «яркая», 1 ответ – «огненная» и 1 ответ – «как огонь».

Частотен ответ «зима», что дает основание сказать, что рябина ассоциируется с зимним пейзажем.

В русской поэзии рябина выступает символом Родины:

«Люблю песчаный косогор,

Перед избушкой две **рябины**», писал А.С. Пушкин в романе «Евгений Онегин».

Ключевым образом является рябина в стихотворении М.И. Цветаевой «Тоска по Родине»: (Прохоров 2007: 490)

«Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст,

И всё - равно, и всё - едино.

Но если по дороге - куст

Встает, особенно - **рябина**...»

В русской языковой картине мира обнаруживается метонимическое употребление лексемы рябина в значении ‘Ягоды этого дерева’ (МАС: http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/16.htm).

Например, «И вот я устроил в комнате ярмарку: развесил под потолком гирлянды еловых и ольховых шишек, кисти калины и **рябины**, связанные вениками, повсюду натыкал еловых веток (Юрий Коваль. Капитан Клюквин (1972, НКРЯ).

Таким образом, *береза* в русской культуре является символом женственности и часто метафорически сравнивается с молодой девушкой, *дуб* является символом мужественности и силы, эти деревья имеют положительные культурные коннотации. *Осина* связана в сознании носителей языка с предательством Иуды, кроме того, сравнение «дрожит как осиновый лист» является устойчивым, трусость, ассоциирующаяся с осиной, оценивается негативно русским национальным сознанием. *Рябина* ассоциируется с одиночеством и несчастливой женской судьбой, осина и рябина имеют негативные коннотации.

II.5. Лексико-семантическая подгруппа «Кустарники леса»

1. **Лексема** ***Малина*** имеет следующее прямое значение**:** «Кустарниковое ягодное растение семейства розоцветных с душистыми сладкими ягодами обычно красного цвета. (Кузнецов: http://gufo.me/content_kuznec/malina-126647.html#ixzz3aEKTWDUA»**.**

Данное значение представлено в НКРЯ: «У нас в лесах **малина** растет большей частью по буеракам и по берегам **лесных** речек, где истлевают в труху упавшие на землю деревья.» (Владимир Солоухин. Третья охота (1967), НКРЯ)

Лексема *малина* имеет переносные значения:

1. Собир. Ягоды этого растения **(**Кузнецов: http://gufo.me/content_kuznec/malina-126647.html#ixzz3aEKTWDUA»**):** «И в ресторане стояли корзины с рынка — с лисичками, **малиной**, овощами». (Сати Спивакова. Не всё (2002), НКРЯ) Данное значение является результатом метонимического переноса.

2. Горячий отвар из сушёных ягод этого растения, употребляемый как потогонное средство в народной медицине (Кузнецов: http://gufo.me/content_kuznec/malina-126647.html#ixzz3aEPeNePT): «Акумовна божественная, так по Буркову двору величали Акумовну божественной, добрая душа, уложила Маракулина в постель, и **малиной поила**, и горчичники ставила, дни и ночи ходила за ним и выходила. (А. М. Ремизов. Крестовые сестры (1910), НКРЯ)». Это значение также является метонимическим.

3. Крим. Жарг. Жарг. - притон. собир. Об обитателях притона (Кузнецов: http://gufo.me/content_kuznec/malina-126647.html#ixzz3aEQwYXzH). В этом значении образ *малины* вошёл в текст известной дворовой песни «Мурка»: «Ты зашухерила всю нашу малину». Существует версия, что образ малины как притона возник под влиянием русификации еврейского обозначения гостиницы «малон» — от ивритского melina («бункер, убежище, укрытие») или meluna («конура» https://ru.wikipedia.org/wiki/Малина_значения).

4. Малина, неизм.; в функц. сказ. Разг. О чём-л. очень приятном, хорошем, доставляющем удовольствие (Кузнецов: http://gufo.me/content_kuznec/malina-126647.html#ixzz3aEQwYXzH) . (о высшей степени удовольствия от условий, обстановки где-л.): «Тот, кто физиком стал, Тот грустить перестал. На физфаке не жизнь, а **малина**. Только в физике соль, Остальное все ноль». (Коротко об авторе // «Наука и жизнь», 2006, НКРЯ). Это синтаксически обусловленное значение, реализуется в синтаксической функции составного именного сказуемого. В словарях дается помета «просторечное» (БАС, Т.6: 529). Данное значение стилистически маркировано, употребляется в разговорной речи и имеет положительную коннотацию. Часто употребляется в противопоставлениях: *не что-либо* (чаще «жизнь»), *а малина*. Имеет в данном употреблении коннотативные семы ‘хороший’, ‘беспечный’, ‘привольный’.

В.В. Виноградов отмечал, что слово *малина* в значении `раздолье, привольное житье' попало в общее просторечие из какого-нибудь жаргона. Известно употребление слова *малина* в карточном и в воровском арго: *В малине* — `в выигрыше'. Таким образом, малина символизирует сладкую жизнь, полную удовольствий (http://etymolog.ruslang.ru/vinogradov.php?id=malina&vol=1).

Ягоды малины красного цвета. В русской языковой картине мира красный цвет символизирует красоту. В фольклоре малина характеризует красивую, миловидную девушку, молодую женщину:

«Хороша была **малина** — оклевали воробьи.

Хороша была сударушка — ребята увели» (http://www.ruthenia.ru/folklore/kopytov1.htm).

В русском фольклоре *малина* (символ сладкой привольной жизни — *Не жизнь, а малина*) — антипод калины (символ обманчивой красоты, горькой доли, неволи): чужбина — калина, родина — малина. Родина-малина — это воля, свобода, широкое и открытое пространство без конца и края что соответствует представлениям русских о хорошей, настоящей жизни, а

чужбина-калина — обманчиво красивая жизнь, оборачивающаяся горькой неволей (Бочина 2003: http://old.kpfu.ru/fil/kn7/index.php?sod=9).

2. Лексема *Шиповник*. Прямое значение лексемы представлено в словарях: «Дикая кустарниковая роза с простыми, не махровыми цветками и со стеблями, покрытыми шипами» (МАС: http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/16.htm). Приведем пример из НКРЯ: «Пёстрый, романтичный, он совмещает в себе и садовые цветы, и их дикорастущих "родственников", овощи и пряные травы, кусты чубушника и заросли **шиповника** – в нём есть место всему, что напоминает нам сельский палисадник» (Татьяна Ефимова. Скажи: легко! (2003) // «Сад своими руками», 2003.09.15, НКРЯ).

Переносное значение данной лексемы: «Плоды этого кустарника, пригодные для употребления в пищу, а также используемые в медицине» (МАС: http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/16.htm). Приведем пример употребления из НКРЯ: «Каждая выкуренная сигарета разрушает 20 мг витамина С. Чтобы восстановить потерю, необходимо есть цитрусовые, **шиповник** и петрушку — обязательно и ежедневно, чем больше, тем лучше» (Анна Варшавская. Дым для дам (2002) // «Домовой», 2002.09.04, НКРЯ). Это значение – результат метонимического переноса. Сема ‘полезная, лечебная’ ягода проявляется в данном контексте и объясняется экстралингвистическими факторами – в ягодах шиповника содержится большое количество витамина С.

Результаты эксперимента также подтверждают восприятие шиповника как лекарственного растения – 30 ответов «чай», 8 ответов «витамин С», 9 ответов «сироп», 4 ответа «полезный».

Слово образовано от существительного «шип» суффиксальным способом с помощью суффикса «-овник» (Земская 2013: 141). Имеет общее словообразовательное значение ‘предмет, характеризующийся отношением к предмету, явлению, названному мотивирующим словом’ (АГ-80, Т.1: 141). Таким образом, словообразовательное значение слова шиповник мотивировано производящим словом – ‘предмет, характеризующийся

наличием шипов’ Согласно О. И. Блиновой, шиповник относится к второй ступени образности и обладает такими категориями, как конкретность и наглядность. Слово с внутренней формой называет не только сам предмет (кустарник или его плод), но и его характерный признак – «обладание шипами». Конкретный, наглядный зрительный образ данного кустарника подтверждают ассоциации респондентов: 17 реакций «колючий», 10 реакций «шипы».

3. Лексема *Боярышник.* В словарях представлено следующее прямое значение: «колючее дерево или кустарник сем. Розоцветных, некоторые виды которого используются как зеленая изгородь, декоративные растения и т.п.» (БАС, Т.2: 156). Пример из НКРЯ: «Чуть повыше от русла, вверх по склону, росли **боярышник**, миндаль, чилон, дикая хурма, фисташка» (Сергей Бакатов. Тихая жизнь в террариуме (Записки ветеринарного врача) // «Наука и жизнь», 2008, НКРЯ).

М. Фасмер связывает происхождение лексемы боярышник со словом «боярин» (Фасмер 1986, Т.1: 204). Ю.Е. Прохоров указывает, что боярышник ведет свое происхождение от слова «боярышня» (Прохоров 2007: 82). Мотивировочный вторичного наименования признак является ассоциативным, внутренняя форма метафорична. Боярышник – кустарник, украшенный красными плодами подобно богатой, нарядно одетой барышне. Данное слово находится на третьей ступени образности и обладает компонентом «красочность». Цветы данного кустарника белые, а плоды красные, белый и красный цвета в русской культуре традиционно связаны с женской красотой, этим можно объяснить происхождение слова. Данная ассоциация присутствует в сознании носителей языка: 9 ответов «боярышня».

В словарях представлено следующее переносное значение: «плоды такого растения, используемые в фармакологии» (БАС, Т.2: 156). Пример употребления из НКРЯ: «Психолог схему мне нарисовал: утром натощак полстакана зверобоя, двадцать капель настойки **боярышника**, тридцать — пиона…» (Светлана Алексиевич. Время second-hand // «Дружба народов»,

2013, НКРЯ). Лексема «боярышник» часто сочетается со словом «настойка», что подтверждает наличие в лексическом значении сем ‘полезное’, ‘лечебное’, ‘лекарственное растение’. Данная семантика соответствует результатам ассоциативного эксперимента: 11 ответов «настойка», 3 ответа «аптека».

4 . **Лексема *Калина***. Толковые словари приводят следующие дефиниции прямого значения: «Кустарник семейства жимолостных с белыми цветками и красными ягодами» (БАС, Т.8: 578). Приведем пример из НКРЯ: «А красивоцветущие кустарники и невысокие деревца в свободной посадке вдоль ограды как бы сглаживают границы участка. Сирень, чубушник, барбарис, форзиция, различные виды спиреи, **калина**, вишня, слива, рябина образуют живописные кулисы. (Дарья Князева. На привале (2002) // «Сад своими руками», 2002.12.15, НКРЯ)»

Калина с ее горькими ягодами, как и рябина, символизирует трудную, горькую жизнь, особенно несчастливую женскую судьбу. В русских народных песнях она часто сравнивается с малиной, символизирующей хорошую, сладкую жизнь. В песнях употребляется как символ тоски по хорошей жизни.

Ср.: «Ой калина моя, ой малина моя», «Не бывать калине малиной» (Даль, Т.2: 244)).

П.П. Червинский приводит следующий пример символического употребления калины в фольклоре:

«Распроклятая участь, /Кто женатого любит.../Как женатый-то детина,/ Словно **горькая калина**.../Распремилая участь,/Кто холостого любит.../Как холостой-то детина,/Словно сладкая малина..» (Червинский 2011: 108)»

Калина часто употребляется с прилагательным «горький», что говорит о символическом значении ‘несчастливый’, ‘несчастный’. Результаты эксперимента также подтверждают данное значение: 17 испытуемых привели реакции «горький».

Существует свадебный обычай «ломать калину»: Калинку ломать, свадебный обычай: на столе у молодых окорок и штоф вина, заткнутый

пучком калины с алою лентой; молодых подымают и идет потчиванье, обходят по домам родителей невесты, родичей, поезжан, а воротясь, дружка рушить окорок и, расщипав калину, разносить вино (Даль, Т.2: 69). Согласно П.П. Червинскому, калина символизирует девушку, в обрядовых действиях «ломать калину» заключается смысл «отдавать девушку замуж» (Червинский 2011: 6).

Одна из самых известных народных песен – «Калинка» (разг. уменьш.-ласк. к слову «калина» (БАС, Т.8: 578)). Текст песни – это обращение к красивой девушке с просьбой о любви. В этой песне калина – символ женской привлекательности (Маслова 2008: 150)

Наиболее частотная реакция носителей языка на стимул калина – «Калина красная». Это прецедентное название повести В.М. Шукшина и одноименного художественного фильма, рассказывающего о трагической судьбе заключенного. Данное название символично – калина, как уже говорилось выше, символизирует трудную, горькую жизнь, особенно несчастливую женскую судьбу (Прохоров 2007: 245).

Таким образом, *малина* в разговорном стиле речи имеет символическое значение сладкой, легкой жизни; внутренняя форма слова *шиповник* обладает конкретностью и наглядностью, данное слово находится на второй ступени образности. Лексема *шиповник* называет на только сам предмет, но и характерный для него признак – наличие шипов. *Боярышник* находится на третьей ступени образности, это мотивированное слово с ассоциативно выраженным признаком, внутренняя форма данного слова метафорична. *Калина* является символом горькой, несчастной судьбы.

II.6. Лексико-семантическая подгруппа «Травы леса»

1. Лексема *Земляника*. В словарях представлено следующее прямое значение: «Многолетнее травянистое растение семейства розовоцветных с белыми цветками, дающее душистые кисло-сладкие ягоды розовато-красного цвета» (БАС, Т.6: 717). Приведем пример из НКРЯ: «Калиныч вошёл в избу с

пучком полевой **земляники** в руках, которую нарвал он для своего друга, Хоря. (И. С. Тургенев. Хорь и Калиныч (1847), НКРЯ)**».**

Лексема «земляника» имеет переносное значение: «Ягоды этого растения» (БАС, Т.6: 718). Пример из корпуса: «Не будет шофера с усами, который ест **землянику** из пакета» (Сергей Довлатов. Иная жизнь (1984), НКРЯ). Данное значение – результат метонимического переноса.

В фольклоре употребляется для описания красоты девушки через персонификацию: «Это ягодка сладка,/ **Земляничка** хороша!..\Это девица статна,/Душа красна хороша».; «У кого бы жена молодая.../Ровно ягода налитая...» (Червинский 2001: 124)

Наиболее частотные ассоциации связаны с экстралингвистической информацией, с использованием ягод землиники в быту: из нее варят варенье, добавляют в чай для аромата (Прохоров 2007: 207). «Варенье» - 16 ответов, «вкусный» или «вкусно» - 13 ответов.

Лексема «земляника» образована от слова «земля», потому что спелые ягоды земляники часто почти лежат на земле (Фасмер 1968, Т.2: 93). П.Я. Черных указывает, что слово образовано от прилагательного «земляной», от основы землян- с помощью суффикса существительного «-ик» (Черных, Т.1: 324). Слово находится на второй ступени образности, называет не только растение, но и характерный для него наглядный признак – ягоды этого растения висят низко, находятся почти на земле.

2. Лексема *ландыш* имеет следующее прямое значение:

«Многолетнее травянистое растение семейства лилейных с продолговатыми листьями и мелкими белыми душистыми цветками в форме колокольчиков» (БАС, Т.9: 52). Приведем пример из национального корпуса: «После таяния снега зацветает **ландыш» (**Ю. Н. Карпун. Природа района Сочи (1997), НКРЯ**)**

В персонифицированном употреблении, при характеристике девушки, имеет коннотативные семы ‘чистый’, ‘невинный’, ‘беспорочный’ (Кано 2007: 252). Данные семы можно выделить в следующих примерах:

«В глуши, под сению смиренной,

Невинной прелести полна,

В глазах родителей она

Цвела, **как ландыш** потаенный,

Незнаемый в траве глухой

Ни мотыльками, ни пчелой» (А.С. Пушкин. «Евгений Онегин», 1833);

«Вновь целомудрие подруги **ландышевое**

Мне ль, опрометчивому, уязвить?

Душа вечерняя, от мук оранжевая,

Изнемогающей полна любви…» (И.Северянин. «Яблоньки», 1935)

Кроме того, сравнение человека с ландышем может обозначать такие качества, как скромность и нежность:

«В деревне барышня стыдливо,

Как ландыш майский, расцвела,

Свежа, застенчива, красива,

Душой младенчески мила» (Н. П Огарев. «Барышня», 1850);

«В числе танцующих была

Одна особенно мила.

Нежна, **как ландыш** самый нежный (Я. Полонский. «Свежее преданье», 1861)

Данный факт можно объяснить тем, что *ландыш* символизирует чистоту в русской культуре, потому что белый цвет его цветков является символом чистоты и целомудрия (СЗЭ 2005: 50)

Ассоциации с нежностью подтверждают и результаты эксперимента: 5 ответов «нежность», 4 ответа «нежный».

Одна из наиболее частотных реакций – это «запах» - 12 ответов. Такая ассоциация связана с тем, что много лет в России были популярны духи под названием «Серебристый ландыш» («серебристый» - 11 ответов) (Прохоров

2007: 310). Запах ландыша и сейчас широко используется в парфюмерной промышленности.

Кроме того, у русских ландыш ассоциируется с весной, т.к. он цветет в мае (Прохоров 2007: 310). Самая частотная реакция – «весна» - 19 ответов. В различных контекстах ландыш часто употребляется с прилагательным «первый»:

«О **первый ландыш**! Из-под снега

Ты просишь солнечных лучей;

Какая девственная нега

В душистой чистоте твоей!» (А.Фет «Первый ландыш», 1954)

В текстах былин о Садко говорится о том, что ландыши выросли из слез водяной царевны Волховы, которая полюбила отважного Садко. Узнав про любовь Садко к Любаве, Волхова вышла на берег, чтобы последний раз послушать чудесные песни своего любимого. Среди берез она заметила два силуэта в лунном свете: Садко и Любавы. Слезы градом катились из ее глаз и жемчугом падали в шелковую траву, превращаясь в **белые ландыши** — символ любви и боли чистого, нежного, горячего, девичьего сердца (http://slavyanskaya-kultura.ru/nature/landysh.html).

3. Лексема *подснежник* имеет следующее номинативное значение: ‘Растение из семейства амариллисовых с белым поникшим цветком’ (МАС: http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encyc.htm);

Данное значение подтверждается национальным корпусом русского языка: «Анемоны — рано цветущие травянистые растения, например **подснежники**, ветреницы, веснухи и другие». (В. А. Обручев, «Плутония», 1924, НКРЯ).

О.И. Блинова отмечает, что внутренняя форма лексемы подснежник метафорична; внутренняя форма этой лексемы образна и красочна: «Подснежник — ‘растение с белыми цветками, распускающимися сразу после таяния снега <*как бы под снегом*>’» (Блинова 1983: 5)

Подснежник является символом начала весны, весна может сравниваться с подснежником: «Весна еще лежит под снегом, такая тонкая, **с подснежник**, но все же слышно иногда, как ощутимо оживает по капле **первая** вода». (Виктор Слипенчук. Зинзивер (2001), НКРЯ)

Лексема «подснежник» может быть употреблена в переносном смысле в значении «Любое травянистое растение, обычно с белыми цветками, распускающимися сразу после таяния снега (о перелесках, первоцветах и т.п.)» (Кузнецов: http://gufo.me/content_kuznec/podsnezhnik-102434.html#ixzz3aE5a2200):

«Невольно вспоминаю все это как чудесную сказку, — особенно хорош был сад ранней весной, когда все лужайки в саду были покрыты голубым ковром из **подснежников».** (А. В. Левицкая, «Воспоминания», 1943, НКРЯ*)*

В криминальном жаргоне существует вторичное значение лексемы подснежник: «труп, находившийся зимой под снегом и найденный весной после таяния снега» (Кузнецов: http://gufo.me/content_kuznec/podsnezhnik-102434.html). В этом значении присутствует сема ‘обнаруживаемый, заметный только после таяния снега’.

Кроме того, существует переносное разговорное значение: «О человеке, числящемся, но не появляющемся на работе» (Кузнецов: http://gufo.me/content_kuznec/podsnezhnik-102434.html). Данный лексико-семантический вариант является результатом метафорического переноса и имеет семы «объект, который сложно заметить, обнаружить».

С пометой «разг.»: О фирме, осуществляющей свою деятельность незаконно (Кузнецов: http://gufo.me/content_kuznec/podsnezhnik-102434.html). Данное значение также является результатом метафорического переноса.

Итак, подробный анализ лексемы «подснежник» показывает, что культурная информация хранится во внутренней форме слова.

4. Лексема *Зверобой*. В словаре представлена следующая дефиниция прямого значения: «Травянистое растение с желтыми цветками» (БАС, Т.6: 675). Приведем пример из национального корпуса русского языка:

«С ранней весны до поздней осени, сменяя друг друга, цветут бадан, медуница, дельфиниум, тысячелистник, монарда, лапчатка, **зверобой** и ясколка» (Дарья Князева. На привале (2002) // «Сад своими руками», 2002.12.15, НКРЯ)

Данная лексема имеет переносное значение: «Настойка из такого растения, водка, настоянная на таком растении» ((БАС, Т.6: 676). Данное значение подтверждается в НКРЯ: «Пригласили Годеридзе и Осипенко. Вынули из портфеля четыре бутылки **"Зверобоя"**. Сели на поваленную ель. — Ну, за всё хорошее! — сказали тюремщики. Через пять минут брат обнимался с Дерябиным». (Сергей Довлатов. Наши (1983), НКРЯ). Данное значение – результат метонимического переноса.

Представление о зверобое как о лекарстве фиксируется в результатах ассоциативного эксперимента: 18 ответов «чай», 12 ответов «лекарство», 11 ответов «лечение», 5 ответов «настойка», 2 ответа «лечебный».

Происходит от укр. «діробій», болг. «дзіробой». Названо так потому, что имеет прозрачные точки («дыры») на листьях (Фасмер 1986, Т.2: 87). Таким образом, внутренняя форма слова метафорична – ‘растение с листьями, словно пробитыми дырами’, слово находится на третьей ступени образности и характеризуется красочностью.

Таким образом, лексемы *земляника* находится на второй ступени образности, характеризуется наглядностью (картинностью) и конкретностью. Кроме того, в фольклоре земляника используется для описания девушки с помощью персонификации. *Ландыш* имеет положительные культурные коннотации, так как является символом чистоты, скромности и нежности. Внутренние формы лексем *подснежник* и *зверобой* метафоричны, их мотивировочные признаки связаны с ассоциативными сравнениями (подснежник распускается ‘словно под снегом’, листья зверобоя ‘словно пробиты дырами’).

ВЫВОДЫ:

Лексико-семантическая группа «Флора леса» насчитывает большое количество единиц. Ограниченный объем дипломной работы не позволяет представить анализ всех единиц ЛСГ, в настоящей работе произведен анализ лексем *дуб, береза, осина, рябина, малина, шиповник, боярышник, калина, земляника, ландыш, подснежник, зверобой.* По данным электронной энциклопедии «Экосистема», ЛСГ «Флора леса» включает в себя 102 единицы.

Береза в устойчивом сравнении «стройная как березка» является эталоном красоты, молодости и женственности, данное сравнение употребляется при характеристике человека с положительной оценкой, с оттенком одобрения.

Употребление лексемы *дуб* в различных контекстах, в устойчивых сравнениях и фразеологизмах показывает, что *дуб* связан с представлениями о физической силе и мощи. Кроме того, *дуб* является древним архетипом мирового древа, основой мироздания, о чем свидетельствуют фольклорные источники.

В описании человека с помощью образных сравнений с *осиной*, в частности, «дрожит как осина», «трясется как лист на осине», присутствует негативная оценка. *Осина* связана в русской культуре с трусостью, предательством, ненадежностью.

Лексема *рябина* имеет символическое значение несчастной судьбы одинокой, тоскующей, изнемогающей от жизненных испытаний женщины, что находит отражение в сравнениях *гнуться* и *шататься как рябина.* Внутренняя форма связана с создаваемым конкретно-наглядным зрительным впечатлением пестроты или ряби, и характеризуется такими компонентами образности, как конкретность и наглядность.

Переносное значение и употребление в составе фразеологизмов показывают, что *малина* является символом «сладкой жизни» в разговорном стиле речи.

Лексема *шиповник* находится на второй ступени образности и характеризуется наглядностью: наличием шипов. Ассоциации респондентов обусловлены зрительным образом, наиболее частотны ассоциации «колючий» и «шипы».

Культурная ассоциация, связанная с *боярышником*, хранится во внутренней форме слова. Мотивировочный признак наименования выражен ассоциативно: боярышник увешан большими гроздьями красных ягод как нарядно одетая барышня.

Лексема *калина* часто употребляется с прилагательным «горький» и, как и рябина, является символом несчастливой судьбы. В фольклоре *калина* противопоставляется *малине* – символу легкой, счастливой жизни.

Внутренняя форма лексемы *земляника* находится на второй ступени образности. Ассоциации, связанные с земляникой обусловлены экстралингвистической информацией – традицией варить варенье из земляники.

Ландыш используется как метафорическое сравнение при описании девушки и имеет символическое значение скромности и нежности.

Лексемы *зверобой* и *подснежник* обладают метафоричными внутренними формами и мотивированы образными ассоциациями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лингвокультурология изучает язык как феномен культуры.

Культурная информация в языковых единицах может быть представлена с помощью понятия культурной коннотации. Культурная коннотация – это интерпретация денотативного или образно-мотивированного аспектов значения в категориях культуры. Культурная коннотация создается с помощью специфических для каждого народа образно-ассоциативных механизмов переосмысления исходных значений во вторичной номинации. Коннотативное слово обладает способностью не только создавать, но и удерживать глубинный смысл, находящийся в сложных отношениях с семантикой слова, закреплять его в языке, создавая тем самым культурно-национальную языковую картину мира.

Языковая картина мира в целом столь огромна и разнородна, что для подобного анализа необходимо выбирать определенный фрагмент ЯКМ.

В настоящей работе таким фрагментом ЯКМ является ЛСГ «Флора леса», который хранится в сознании носителей языка и выражается вербально в разного рода текстах.

Единицы ЛСГ «Флора леса» можно разделить на три лексико-семантические подгруппы:

1.Деревья – 19 лексем

2. Кустарники – 27 лексем

3. Травы – 56лексем

Интегральной семой данной лексико-семантической группы является сема «растение леса».

Внутри данной парадигмы выделяются родовидовые отношения гипонимии (названия лексико-семантических подгрупп «деревья», «кустарники», «травы» являются гиперонимами по отношению к конкретным названиям растений.)

Исследуя данные лексические единицы, мы выявили, что на основе исходного, прямого значения слова в результате процесса вторичной номинации у данного слова появляются переносные значения. Некоторые переносные значения существуют только в разговорном стиле или в криминальном жаргоне. В различных контекстах с помощью сравнений с растениями леса находит отражение положительная или отрицательная оценка при характеристике человека. Данные ассоциативно-образные значения соотносятся с культурно-национальными эталонами и стереотипами.

Положительная или отрицательная культурная коннотация зависит от устойчивых ассоциаций, связанных с растениями леса в сознании носителей языка. Метафорическая внутренняя форма слова указывает на образ, в основе которого лежат ассоциативные механизмы.

Лексемы лексико-семантической группы «Флора леса» приобретают символическое, эталонное, образно-метафорическое значение в культуре и обобщают результаты архетипического человеческого сознания.

Список использованной литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка, Учебное пособие. — М.: Флинта, 2010. — 288 с.
2. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка. – В кн.: Апресян Ю.Д. Избранные труды, т. 2. М., 1995
3. Афанасьев А. Н, Языческие предания об Острове-Буяне . 2010: http://kirsoft.com.ru/skb13/KSNews_312.htm)
4. Афанасьев А.Н. Славянская мифология. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2008. - 1520 с.
5. Блинова О.И. Образность как категория лексикологии// Экспрессивность лексики и фразеологии. Сборник научных трудов. НГУ, 1983
6. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Том 2. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. — 391 с.
7. Бочина Т.В. Ключевые слова фольклорной картины мира в пословице-антитезе: http://old.kpfu.ru/fil/kn7/index.php?sod=9
8. Васильев Л.М. Теория семантических полей// Вопросы языкознания. 1971. №5.
9. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Методическое руководство. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Русский язык, 1990. — 246 с.
10. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. - М., 1977. – 264 с.
11. Виноградов В.В. История слов: http://etymolog.ruslang.ru/vinogradov.php?id=malina&vol=1
12. Воробьев В.В. Лингвокультурология: учебное пособие. М.: Издательство РУДН, 2006. – 336 с.
13. Воробьева Л.Б. К вопросу о национальной специфике фразеологического образа // Вестник Новгородского государственного университета. – Новгород, 2009. - №54. – С.21-23

14. Григорьян Е.Л. Лексическое значение слова. Лексика как система
15. Завьялова Е. Е. Приметы как фольклорный жанр: опыт систематизации // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 2. С. 187–193.
16. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. Учебное пособие. М., 2013. 328 с.
17. Зиновьева Е.И., Юрков Е.Е. Лингвокультурология: теория и практика. -СПб.: МИРС, 2009. – 291 с.
18. Зиновьева Е.И. Основные проблемы описания лексики в аспекте русского языка как иностранного. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005 – 86 с.
19. Зиновьева Е.И. Типы «поля» в лингвометодических исследованиях // XXXII Международная филологическая конференция. Русский язык как иностранный и методика его преподавания 11-15 марта 2003г. вып. 15. СПб., 2003. - с. 108-112.
20. Кано Х. Словарь аллегорий, образов, ассоциаций, символов в русском языке: Растения. Токио. АО «Ниссо», 2007. – 693 с.
21. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. М., 1976. – 356 с.
22. Копытов Н.Ю. Мифология как система. 2005: http://www.ruthenia.ru/folklore/kopytov1.htm
23. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. - М.: ЧеРо, 2003. - 349 с.
24. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология, Курс лекций. — М.: «Гнозис», 2002. — 284 с.
25. Крючкова О.Е. Магия древнеславянских молитв и наговоров. – М.: Велигор, 2014. – 180 с.
26. Кузнецов Ю.А. Лексико-семантическое поле смеха как фрагмент русской языковой картины мира. СПб., - 2005. – 215 с.
27. Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка: краткий тематический словарь М.: ФЛИНТА, 2011. – 300 с.;

28. Лексико-семантические группы русских глаголов: коллективная монография/ Под ред. Э.В. Кузнецовой. Иркутск, 1989.
29. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. — 183 с.
30. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. М.: ТетраСистемс, 2008. — 266 с.
31. Медникова Э.М. Значение слова и методы его описания. М., 1974.
32. Моргун, В.Ф., Ткачева Н.Ю. Проблема периодизации развития личности в психологии: учебное пособие.М.: Издательство Московского университета, 1981. – 84 с.
33. Николенко Л.В. Лексикология и фразеология современного русского языка. М.: Academia, 2005. – 140 с.
34. Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. Опыт историко-этнографического исследования. СПб. Издательство «Азбука», 1995. – 174 с.
35. Руднев В. П. Словарь культуры XX века. - М.: Аграф,1997. - 384 с
36. Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Большая рос. энцикл : Дрофа, 2008. - 703 с.
37. Скляревская Г. Н. К вопросу о прагматической информации в толковых словарях: возможны ли прагматические пометы? // Лингвистическая прагматика в словаре. Виды реализации и способы описания: Сб. ст. СПб., 1997. С. 6-13.
38. Слесарева И.П. Проблемы описания и преподавания русской лексики. М., 1990. – 176 с.
39. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. М.: Просвещение, 1975. — 271 с.
40. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. - М.: Школа: «Языки русской культуры», 1996. - 258 с.
41. Титова Л. Н. Свободный ассоциативный эксперимент. Ассоциативные словари // Методы изучения лексики / Под ред. А. Е. Супруна. Минск, 1975. – С. 56-64.

42. Уфимцева А.А. Опыт изучения лексики как системы (на материале английского языка). М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. – 287 с.
43. Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. М.: Наука, 1968. – 272 с.
44. Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов// Езиковедски исследования в чест на академик Стефан Младенов. София, 1967.
45. Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М.: Политиздат, 1980
46. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М.: Наука, 1973. – 280 с.
47. Щур Г.С. Теория поля в лингвистике. М., 1974.
48. Чан Тхи Нау. Лингвокультурологический потенциал константы «береза» в курсе русского языка для вьетнамских студентов: http://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturologicheskiy-potentsial-konstanty-bereza-v-kurse-russkogo-yazyka-dlya-vietnamskih-studentov
49. Червинский П. П. Семантический язык фольклорной традиции. Репринтное воспроизведение издания 1989. Тирасполь, 2011. – 227 с.
50. Чжан Хун. Лексико-тематическое представление внешнего облика человека в современном русском языке в сопоставлении с китайским: функционально-семантический аспект (на фоне китайского языка). – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. – 171 с.
51. Яковлева Е.С. К описанию русской языковой картины мира // Русский язык за рубежом. - 1996. - № 1-3. - 47-52.
50. http://www.symbolarium.ru/index.php/Береза
51. http://dendrology.ru/books/item/f00/s00/z0000006/st022.shtml

Словари, справочники и их условные обозначения

1. Бирих А.К., Мокиенко В.М. и др. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. — СПб.: Фолио-Пресс, 1998. — 704 СРФ

с.
2. Большой толковый словарь русского языка Ред. Кузнецов С.А. СПб.: Норинт, 2000. - 1536 с: http://gufo.me/kuznec_a — Кузнецов
3. Большой фразеологический словарь русского языка: значение, употребление, культурологический комментарий / Авт.-сост. И. С. Брилева и др.; отв. ред. В. Н. Телия. М., 2006. — БФСРЯ
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Олма-Пресс, 2002 — Даль
5. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. - 2-е изд., доп. - М.: Большая рос. энцикл., 2002. - 709 с. — ЛЭС
6. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 785 с. — БСРП
7. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). В.С. Безрукова. 2000: http://spiritual_culture.academic.ru/ — Основы духовной культуры
8. Прохоров Ю.Е. (ред.) Россия. Большой лингвострановедческий словарь. - М.: АСТ-ПРЕСС, 2007. - 737 с — Прохоров
9. Русский язык : энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Большая рос. энцикл.: Дрофа, 2008. - 703 с. — РЯЭ
10. Словарь русского языка: РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред.А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы,1999: http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/0encyc.htm — МАС

11. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / АН СССР. М.-Л., 1948-1965. — БАС
12. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.: http://www.gramota.ru/spravka/phrases/?alpha=%C4 — Бирих, Мокиенко, Степанова
13. Российский гуманитарный энциклопедический словарь: https://slovari.yandex.ru/Гуманитарный%Словарь — Гуманитарный словарь
14. Русский ассоциативный словарь. В 2 томах, ред. Караулов Ю.Н. М.: АСТ, 2002. – 1776 с. — Караулов
15. Телицын В.Л. (ред.), Багдасарян В.Э., Орлов И.Б. Символы, знаки, эмблемы. Энциклопедия. М.: Локид-Пресс, Рипол Классик, 2005. — 490 с — СЗЭ
16. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2 томах. М.: Русский язык, 1994 — Черных
17. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Перевод с нем. и доп. О.Н.Трубачева; Под ред. и с предисл. Б.А.Ларина. М., 1986 — Фасмер 1986
18. Электронная энциклопедия «Символы и знаки»: http://sigils.ru/signs/osina.html — Символы и знаки

Приложение №1

Список единиц ЛСГ «Флора леса» по данным электронной энциклопедии «Экосистема»

Лексико-семантическая подгруппа «Деревья леса»

http://www.ecosystema.ru/07referats/trees.htm)

береза

бук

вяз

граб

дуб

ель

кедр

клен

липа

лиственница

ольха

осина

пихта

рябина

сосна

тополь

туя

черемуха

ясень

Лексико-семантическая подгруппа «Кустарники леса»

(http://www.ecosystema.ru/07referats/kust.htm)

арония

бересклет

боярышник

бузина

волчеягодник

голубика

дёрен

дрок

ежевика

жимолость

ирга

калина

карагана

кизильник

крушина

лещина

малина

можжевельник

подбел

пузыреплодник

ракитник

снежноягодник

спирея

хамедафна

хеномелес

чубушник

шиповник

Лексико-семантическая подгруппа «Травы леса»

(http://www.ecosystema.ru/08nature/flowers/)

аконит

белоцветник

вероника

ветреница

водосбор

воронец

гнездовка

горечавка

грушанка

дремлик

дубравник

звездчатка

зверобой

зеленчук

земляник

зубянка

кипрей

кислица

колокольчик

копытень

красавка

крестовник

купена

ландыш

лапчатка

лунник

любка

лядвенец

майник

марьянник

медуница

наперстянка

недотрога

незабудка

одноцветка

орляк

осока

первоцвет

перелеска

пикульник

плаун

подманенник

подснежник

подъельник

пролесник

седмичник

смолевка

сныть

сольданелла

фиалка

хвощ

хохлатка

чина

чистотел

ясенец

яснотка

Приложение № 2.

Образцы анкет, использовавшихся для проведения эксперимента на сайте survio.com.

Первая часть эксперимента.

Известны ли Вам эти слова? Подгруппа "деревья"

	Известно (имею представление, как выглядит)	Не известно
береза		
бук		
вяз		
граб		
дуб		
ель		
кедр		
клен		
липа		
лиственница		
ольха		
осина		
пихта		
рябина		
сосна		
тополь		
туя		
черемуха		
ясень		

Известны ли Вам эти слова? Подгруппа "кустарники"

	Известно (имею представление, как выглядит)	Не известно
арония		
бересклет		
боярышник		
бузина		
волчеягодник		
голубика		
дёрен		
дрок		
ежевика		
жимолость		
ирга		
калина		
карагана		
кизильник		
крушина		
лещина		
малина		
можжевельник		
подбел		
пузыреплодник		
ракитник		
снежноягодник		

спирея		
хамедафна		
хеномелес		
чубушник		
шиповник		

Известны ли Вам эти слова? Подгруппа "травы"

	Известно (имею представление, как выглядит)	Не известно
аконит		
белоцветник		
вероника		
ветреница		
водосбор		
воронец		
гнездовка		
горечавка		
грушанка		
дремлик		
дубравник		
звездчатка		
зверобой		
зеленчук		
земляник		
зубянка		

кипрей		
кислица		
колокольчик		
копытень		
красавка		
крестовник		
купена		
ландыш		
лапчатка		
лунник		
любка		
лядвенец		

Вторая часть эксперимента.

1. Укажите Ваше место рождения
2. Укажите Ваш пол
3. Укажите Ваш возраст
4. Какие ассоциации у Вас вызывает слово "береза"?
5. Какие ассоциации у Вас вызывает слово "дуб"?
6. Какие ассоциации у Вас вызывает слово "осина"?
7. Какие ассоциации у Вас вызывает слово "рябина"?
8. Какие ассоциации у Вас вызывает слово "малина"?
9. Какие ассоциации у Вас вызывает слово "шиповник"?
10. Какие ассоциации у Вас вызывает слово "боярышник"?
11. Какие ассоциации у Вас вызывает слово "калина"?
12. Какие ассоциации у Вас вызывает слово "земляника"?
13. Какие ассоциации у Вас вызывает слово "ландыш"?
14. Какие ассоциации у Вас вызывает слово "подснежник"?
15. Какие ассоциации у Вас вызывает слово "зверобой"?